

Александр Сих

Живя в аду, не забывайте улыбаться людям

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Сих

**Живя в аду, не забывайте
улыбаться людям**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сих А. С.

Живя в аду, не забывайте улыбаться людям / А. С. Сих —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Данная книга представляет собой сборник повестей, рассказов, монологов, сценок и зарисовок. Разнообразие жанров, от философской фантастики и мистики до забавных жизненных ситуаций, позволит каждому читателю найти что-то своё. Многие произведения написаны с гротеском и аллегорией, и почти все — с юмором. Смеясь, не насмехаться — улыбаясь, не злорадствовать. Таков девиз автора.

Содержание

Повести	5
Тайны планеты Фантом	5
Пролог	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Повести

Тайны планеты Фантом

*Уж если решил – иди до конца,
А дойдёшь – всё поймёшь.
Когда сердце не из свинца,
То счастье своё обретёшь.*

*Не всякое преступление – грех,
Не всякий грех – преступление.*

Пролог

Рейсы на планету Фантом носили крайне нерегулярный характер, но всегда сопровождались ажиотажем, волнением и страхом. И если ажиотажу и волнению были подвержены абсолютно все, включая представителей Великого Императора, учёных, в наименьшей степени – астронавтов, в наибольшей – пассажиров-колонизаторов, то страх довлел исключительно над последними. А всё потому, что именно им предстояло изучать и осваивать данную планету. И всё бы ничего, если бы не два фактора, определяющие и характеризующие планету и пассажиров. Фактор первый – с планеты ещё никто не вернулся и даже не пробыл на связи более минуты, после чего бесследно исчезал. Фактор второй – уже год, как пассажирами на Фантом являлись исключительно преступники, да и тех на Земле становилось всё меньше и меньше. А преступников, обладающих умом, волей и смелостью, находилось и того меньше. На Земле царили Порядок, Дисциплина и Субординация, где каждый добропорядочный, то есть – послушный и исполнительный, гражданин имел персональный идентификационный номер, личное право на буквенное обозначение, а также обязательное право на труд.

Глава 1

– Ну что ж, подлые отщепенцы нашего счастливого общества, – сказал главный надсмотрщик Южного округа Восточной сатрапии Великой Империи, – вам повезло. Некоторым образом. Вместо позорной казни через ежедневное порицание на главной площади, вам, ублюдкам человеческой расы, предоставляется шанс либо умереть незаметно и неизвестно как, либо совершить героический поступок, реабилитирующий ваши гнусные натуры.

Он умолк и колючим взглядом обвёл трёх человек, сидящих в клетке. Насладившись трепетом, как ему казалось, заключённых от затянувшейся паузы, закончил речь условием реабилитации:

– Вы, хоть и выродки, но, полагаю, слышали о планете Фантом? Да? – трое угрюмо и равнодушно молчали, что, впрочем, всегда воспринималось, как утвердительный ответ. – Тем лучше, это избавит меня от унижительной процедуры вам растолковывать, что и как. – Стражник бесстыдно врал. Ему не то что не следовало что-то объяснять, а запрещалось обсуждать подобную тему. Но человек слаб. – Короче, для полной очистки вашей поганой совести, от вас требуется всего-навсего вернуться с планеты на корабль, который будет ждать на орбите ровно сутки. Задача очень проста, если учесть, что этого сделать ещё никому не удавалось.

Надзиратель тупо заржал, считая циничную шутку верхом остроумия.

– Но мы же не можем знать, как движется время на этой планете? – возразил один из преступников, мужчина лет сорока, блондин среднего роста в очках. – Нам...

Высокий тюремщик, с ядовитым прищуром маленьких глаз, отреагировал мгновенно:

– По мне, так лучше, чтобы оно для таких подонков остановилось вовсе! А лучше всего, если оно будет останавливаться в страшных для вас мучениях! Мучительная и медленная смерть.

– Человек часто получает то, что желает другим, – улыбнувшись, иронично сказал второй заключённый, мужчина лет пятидесяти, с длинными чёрными волосами и с открытым, добродушным взглядом сине-зелёных глаз. – Придёт время и твои слова сбудутся – ты это почувствуешь на себе. Мне тебя жаль, глупца.

Надсмотрщик здорово обозлился.

– Заткнись, ублюдок! – рявкнул он, подскочив к клетке. – Будь моя воля, ты бы это почувствовал на себе прямо сейчас!

Тут вмешался в разговор и третий преступник:

– Твоя воля, как и вся никчемная жизнь, и даже твои примитивные мысли, всё подчинено строжайшему и беспрекословному исполнению приказов, инструкций и директив. – Шатен средних лет, с короткой стрижкой, острым взглядом и смуглым лицом, выждав паузу, заключил. – Ты пресмыкающееся. Причём, не только не ядовитое, но и беззубое. Ты – хамелеон!

– У хамелеона есть зубы, – скромно поправил блондин.

Шатен ядовито ухмыльнулся:

– Это у настоящего хамелеона есть зубы, а у нашего – только длинный язык со стекающей слюной вожделения и подхалимства.

Длинноволосый смягчил удар:

– Он просто несчастный, одурманенный человек. Впрочем, как и большинство на этой прекрасной, но проклятой планете. Бедные люди. Они живут в окружении ложных представлений о мире. Лживые догмы пропитали их плоть и кровь. Насаждаемые коварные и хитрые иллюзии, в красивой упаковке, безоговорочно принимаются за справедливость и добродетель. Людьюми примитивными движут инстинкты и эмоции, а людьюми интеллектуальными – амбиции и алчность. Все истинно духовные ценности ловко подменены ушлыми, умными, но циничными и коварными идеологическими фокусниками.

Стражник с силой вцепился в железные прутья клетки и, глядя в глаза коротко стриженному, крикнул:

– Вы, жалкие отбросы, смеете меня, счастливейшего подданного Великого Императора, обзывать животным?! Я свободный гражданин свободной и благодатной Империи! Я счастливый человек! А кто же вы? Кто вы, сидящие в клетке под замком? Вы свободны? Так кто же из нас животное?

Все удивились поведению стражника, не обратившего внимания на не совсем, может быть, понятные слова длинноволосого, но цепко поймавшего суть сказанного коротко стриженным, а так как о хамелеоне сказал именно он, и взгляд вопрошающего был обращён к нему, то и отвечать взялся шатен со смуглым лицом:

– Я потому и в клетке, что хотел быть свободным человеком, а не пронумерованным скотом, живущим на короткой привязи.

– А я и сейчас свободен, – высказался длинноволосый. – Никакой клеткой невозможно удержать полёт души, свободу мысли и неукротимость духа.

– Красиво сказано, коллега, – поддержал коротко стриженный. – И главное – верно!

– А я всего лишь занимался наукой, – заговорил блондин в очках, устремив взор на лоскуток неба в решётчатом окне. – И раньше моей клеткой была лаборатория, которая, честно признаюсь, нравилась мне гораздо больше, чем клетка данной конструкции. – Помолчав и опустив глаза, добавил. – И мне немножко страшновато.

Тюремщик хищно оскалился.

– Тебе и должно быть страшно, лабораторная крыса! – прошипел он. – Вам всем должно быть страшно, потому что впереди вас ждёт то, чего все больше всего боятся и перед чем все в страхе трепещут. Каждого из вас ждёт смерть под страшной маской неизвестности!

Коротко стриженный тут же поймал того на слове:

– Разве не перед именем Великого Императора все должны в страхе трепетать? И разве не самое страшное в жизни, как нарушение хоть одного пунктика инструкции? Я уже не говорю про нарушение закона. А может ты притворяешься, а вовсе не трепещешь при виде статуи или портрета, или при упоминании имени Великого Инквизитора? Может ты кланяешься перед его каменным истуканом, а в мыслях обзываешь душегубом? Так ты и вправду хамелеон?

На лице несчастного тюремного чиновника отобразилась целая гамма чувств: растерянность, испуг, злоба, перерастающая в бессильную ненависть к преступникам, которые имели смелость сказать то, о чём он страшился и подумать. От волнения, страха и противоречивых чувств проступил пот и лицо покрылось красными пятнами, через секунду-другую меняющимися окрас на бордовый, а потом на тёмно-коричневый. Заключённые дружно засмеялись.

– Я приказываю всем замолчать! – истошно заорал он. – Я всем приказываю не произносить священное имя Великого Инквизи... – надзиратель испугался ещё больше. – Чтоб вы сдохли в этой клетке прямо сейчас, выродки!

Все по-разному смотрели на этого человека, нелепо зависящего от чьей-то глупой прихоти и боящегося даже своих мыслей. Длинноволосому было его жаль, блондину было за него стыдно, а коротко стриженный утешил, чтобы потом уничтожить окончательно:

– Что, бедолага, испугался собственных мыслей? Страшно стало? Не бойся, мы тебя не выдадим. Правда, ребята? Запомни, мы своих не выдаём. А нам свой человек в таком учреждении пригодится. – Страж побелел до мелового цвета, провокатор рассмеялся. – Эх, ты, рабская твоя душонка, мы сидим в клетке сейчас, а ты в ней живёшь всю жизнь. Таких как ты надо кастрировать при первых признаках эрекции, чтобы не плодили на Земле трусость, раболепие, лесть и угодничество!

Вспотевший и вновь побагровевший страж зло плюнул в их сторону и отошёл к своему столу. Длинноволосый с тоской посмотрел ему вслед и обратился к собратьям по несчастью, если, конечно, можно назвать несчастьем твёрдо выбранную в жизни идейную стезю:

– А знаете, что самое страшное в жизни? Самое страшное, друзья, это быть похожим на него. Стать рабом и не замечать этого. Но мы не должны его осуждать, а обязаны пожалеть, ибо когда в человеке убивают совесть, то душа постепенно умирает сама. А человек без души, уже совсем не человек – лишь биологическая субстанция, живущая низменными инстинктами, но обладающая разным потенциалом интеллекта. Вот этот самый потенциал интеллекта, в совокупности с уровнем хитрости и коварства, и определяет социальный статус современной особи, что для них является не просто приоритетом, а доминантой и смыслом жизни. Ибо, друзья мои, только душа и совесть наши могут подсказать правильные поступки и дать верную оценку словам, а ещё указать единственно истинный жизненный ориентир. А эти бедняги живут в мире, где даже при солнечном свете царит непроглядный мрак.

Надзиратель раскрыл было рот, чтобы достойно ответить этим клеветникам, но вдруг передумал и только устало махнул рукой. Коротко стриженный посмотрел на говорившего, чуть помедлил, а потом всё-таки спросил:

– Так вы что, из этих... из мирных проповедников? За нравственное возрождение человечества? К всеобщей гармонии через духовное воскрешение каждого? За возвращение Земле статуса Рая путём всемирного покаяния?

Длинноволосый выразил удивление, больше, конечно, наигрannое:

– А почему вы об этом говорите с таким пренебрежением? Разве ваша организация не стремится в общих чертах к тому же? По-моему, наши цели совпадают?!

– Тут вы правы, – усмехнулся оппонент, – цели наши схожи, но и только. А вот методы и средства их достижения различны. Мы люди дела, а вы лишь слова. Вы чистые теоретики, а мы к теории прилагаем практику. Мы действуем!

Теперь усмехнулся длинноволосый.

– Ваши действия, – сказал он, – больше напоминают озорные шалости подростков, упивающихся собственной дерзостью, нежели действия мужей, осознающих их воздействие на человека.

– Вы что, призываете к насилию через террор?

– Ни в коем случае. Я призываю к приобщению людей к Слову Божьему, а не к лживой идеологии Империи. Я призываю словом стучать в сердце каждого отдельного человека. Это намного действеннее, чем громить золотые истуканы и жечь на площади портреты, а потом разбежаться в разные стороны.

Вмешался стражник, не в силах их больше слушать:

– Я уже прошу вас, прекратите ваши крамольные и противные речи, посидите молча и подождите, когда за вами прилетят. – И, зло зыркнув в сторону клетки, прошипел. – Если бы не строгий запрет, то вы у меня болтали бы с пеной у рта, когда я дал бы вам жару в двести вольт. Посмотрел бы тогда, какие вы храбрецы и смельчаки?!

Оспорить скромное желание стража никто не успел. Над дверью загорелась красная лампочка, что было сигналом тревоги. Нет, это не был побег, и даже не попытка побега, потому что, если и удалось бы убежать, то вырваться из метрополии в глушь и там затеряться – никогда! В поимке участвовали бы не только специальные службы, но и почти каждый прохожий и проезжий, видя в этом свой гражданский долг, который вдалбливали с младенчества, едва отрывали от материнской груди.

Это был сигнал тревоги для старшего тюремщика, который ему подали из КПП, чтобы уведомить о прибытии высоких чинов.

Глава 2

Стражник тотчас вскочил, преисполненный служебного рвения и исполнительного благоговения, выбежал за дверь, оставив её открытой, и нетерпеливо стал ожидать гостей. Те, в свою очередь, не заставили себя ждать. Точнее, не заставили его ждать, хотя об этом они заботились меньше всего. Делегация из пяти человек приближалась быстрым шагом, а старший надзиратель, в глубочайшем почтении, склонил голову чуть ли не до уровня живота, прижав обе руки к груди, и замер.

– Прошу, господин помощник сатрапа, бунтари находятся здесь, – промурлыкал начальник муниципальной тюрьмы Южного округа Восточной сатрапии, или метрополии, Великой Империи. И слегка наклонил голову, пропуская вперёд мужчину среднего роста, с надменным взглядом острых и холодных глаз. Тот, дойдя до середины помещения, остановился и молча принялся рассматривать сидящих в клетке. Двое из вошедших встали по обе стороны двери, один скромно пристроился за спиной помощника, а начальник тюрьмы, зайдя чуть вперёд и в сторону, безукоризненно выполняя свои обязанности, попытался представить информацию о заключённых, но в первых же словах был грубо остановлен:

– Мне на это совершенно наплевать, – монотонно, без малейшего проявления хоть какой-нибудь эмоции, произнёс высокий чин. – Моя забота заключается в том, чтобы доставить эти экземпляры в целостности и сохранности по назначению. Ха Би эР, – обратился он к стоящему за спиной, – наденьте на этих самоубийц электрические браслеты и растолкуйте им преимущества безропотного повиновения.

Старший надзиратель нажал кнопку и электрический замок клетки, издав характерный щелчок, разблокировался. Ха Би эР, человек с повадками и лицом робота, смело вошёл в неё и властно скомандовал, глядя на сидящих преступников, но не видя в них людей:

– Встать! – преступники подчинились. – Протяните правые руки. – С ловкостью фокусника он извлёк из бокового кармана пиджака тонкие металлические браслеты и защёлкнул их на протянутых запястьях. После этого достал из внутреннего кармана крохотное электронное устройство и, показывая его преступникам, дал краткий инструктаж:

– Я нажимаю вот эту кнопку, загорается красная лампочка и с этой секунды активированный механизм контролирует ваши движения. Вы теперь держите на руках мощный электрический заряд, который в радиусе пяти метров от этой штуки находится на нулевой величине, но с увеличением расстояния мощность будет возрастать в геометрической прогрессии. Так что, если кому вздумается бежать в сторону, противоположную моему движению, то через метров сто мы обнаружим наши браслеты рядом с горсткой праха. Всё понятно? Вперёд!

После этих слов, Ха Би эР вышел из клетки и приблизился к своему хозяину, сделав при этом семь шагов. Бунтари дёрнулись и непроизвольно схватились левыми ладонями за запястья правых рук. Устройство функционировало исправно. Они понуро последовали к своему мучителю, на лице которого по этому поводу не отразилось ни радости, ни огорчения – только холодная удовлетворённость.

– И не советую, – добавил он, – допускать даже мысли о применении примитивной физической силы в попытке завладеть пультом. Механизм настроен таким образом, что при сближении приёмника и передатчика от метра и ближе вы мгновенно получите не смертельный, но довольно потрясающий удар. – При этом всем показалось, что глаза человека-робота усмехнулись, хотя наверняка никто точно сказать не рискнул бы. – К тому же, чтобы разблокировать цепь, нужен код, а его не знаю даже я.

– Хватит болтать! – нетерпеливо вмешался помощник сатрапа Га Хо Са. – Нас ждут во дворце. И теории достаточно, всё остальное, при желании, могут попытаться узнать на практике.

Сказав это, он повернулся и направился к выходу. Все остальные автоматически пришли в движение, исключая старшего надзирателя, оставшегося на своём рабочем месте. Его верный слуга Ха Би эР шёл в шаге позади, за ним следовали заключённые, помня о дистанции, а замыкали шествие двое охранников. На всякий случай. А упитанный начальник тюрьмы поспешил обогнать всех, чтобы услужливо открывать двери перед, не замечаящим его, большим боссом. Выйдя из помещения в тюремный двор, без проволочек погрузились в аэрозак и без лишних сантиментов взлетели, не проронив на прощание ни слова. Начальник смиренно, с низко опущенной головой и сложенными на груди руками, ждал, пока они не отлетели подальше. Затем выпрямился, горестно вздохнул и поплёлся обратно в свой второй дом.

Через полчаса аэрозак приземлился в столице Восточной метрополии, на личный аэродром самого сатрапа, расположенный напротив великолепнейшего дворцового ансамбля, окружённого множеством фонтанов, бассейнов и парков. На площади, перед входом во дворец, стояла огромная скульптура Великого Императора во весь рост, и проходящие мимо неё подданные обязаны были преклонить колени. Подобные монументы разных модификаций и размеров имелись в каждом городе, городишке и селе, а портреты Единого Правителя Земли должны были украшать каждый дом, квартиру или лачугу, не говоря, естественно, об учреждениях и организациях.

Сопровождающие арестантов благоговейно выполнили ритуал, не принуждая, впрочем, тех следовать их примеру. Преступники же с любопытством рассматривали окружающую роскошь.

– История имеет свойство регулярно повторяться, – сказал коротко стриженный. – У меня такое ощущение, что мы вернулись в эпоху Дария или Александра Македонского, только

с современными технологиями и после того, как они, точнее, любой из них, завоевал мир и установил через железную дисциплину педантичный, иерархический порядок. Кто-то купается в злате, а кто-то тонет в нищете.

– С таким же успехом, – возразил длинноволосый, – можно вспомнить и Цинь Ши хуанди, и Цезаря, и Карла Великого, и Фридриха Барбароссу, и Наполеона, и, наконец, Гитлера, который переплюнул всех открытостью жестокости и насилия, даже монгольских покорителей мира – Чингисхана, Батюгу, Тамерлана, о которых, кстати, сложили больше небылиц, чем они того заслуживали. Впрочем, человеческий пласт всегда был многослойным, и все цари, короли и президенты во все времена так жили, всеми догмами и законами обосновывая на это своё право. А все попытки установить справедливый мир равноправия, братства и свободы носили пропагандистский характер, за которым скрывалась очередная перекройка социального или мирового платья. Всё закономерно и характерно сути человеческой.

Приблизившийся помощник сатрапа обосновал право на роскошь:

– Каждый живёт так, как того заслуживает.

– Каждый живёт так, как умеет прислуживать, – с улыбкой поправил мирный проповедник. – Надо лизнуть руку высшего, чтобы потом низший лизнул твою.

Га Хо Са возражать не стал:

– Если не умеешь прислужить, то не сумеешь и заслужить. Закон.

– Вот она, рабская психология, – бросил в раздражении бунтарь дела, плюнув в сторону статуи, за что получил сильный толчок в спину от охранника.

Помощник, ничего не сказав, обогнал заключённых и стал подниматься по мраморным ступеням, инкрустированным золотым орнаментом. Все последовали за ним. Возле огромных входных дверей стояли двое стражей из личного легиона почётного караула «его высочества» – гражданина сатрапа Ай Гэ Ли первого. Над головами легионеров возвышался просторный балкон, поддерживаемый четырьмя колоннами по краям и украшенный по центру лепной скульптурой могучего атланта по пояс, с мощными бицепсами, мускулистой грудью и лицом Ай Гэ Ли очень ранней зрелости. Все трое преступников, при виде шедевра реалистического искусства, не сдержались и кощунственно засмеялись.

Охранники, предупреждённые о прибытии гостей, заблаговременно распахнули в огромных двустворчатых дверях дверцы повседневного курсирования, куда все гуськом и проследовали. Миновав высокий, с колоннами, зеркалами и картинами, холл, Га Хо Са повёл всех длинной галереей в правое крыло дворца. После пяти минут ходьбы, они свернули влево и через десять метров остановились перед дверью белого цвета без всяких обозначений и ручек. Помощник сатрапа достал из брюк электронный ключ, нажал кнопку и дверцы разошлись в стороны.

Первым вошёл он сам, следом прошмыгнул его верный пёс Ха Би эР, затем охранники подтолкнули арестантов, а сами остались снаружи. Они оказались в комнате размером среднегабаритной квартиры среднестатистического обывателя. У правой стены стояли небольшой шкаф, сейф и мягкий диван, левая же была напичкана электронным оборудованием, а напротив двери, за столом, расположились те, которые их ждали. Ожидающих было четверо, но вошедшие знали в лицо только одного – собственного правителя, наместника Великого Императора в Восточной метрополии Ай Гэ Ли первого. Сатрап встал из-за стола, подошёл к молча, но гордо стоявшим преступникам, медленно прошёл возле них, каждому заглядывая в глаза, а потом обратился к помощнику:

– Га Хо Са, благодарю за добросовестно выполненное поручение тебя и твоего верного оруженосца. На этом ваша миссия закончена. Передайте мне датчик управления средством контроля, а сами можете быть пока свободны. Если понадобится, я позову.

Лишь на долю секунды в глазах верного слуги мелькнули обида, разочарование и досада оттого, что он не сможет присутствовать при разговоре, но и этих мгновений хватило хозяину, чтобы уловить недовольство вассала.

– Ты слышал, – зашептал Ай Гэ Ли, сверкая очами, – что я тебе сказал? Отдавай мне этот чёртов ДУСК и проваливайте отсюда.

И в глазах помощника, на смену прежним эмоциям, появились страх, преданность и рабская покорность. Он промямлил:

– Слушаюсь, мой господин.

В существующем сверх демократическом обществе обращение к сатрапу любой метрополии «мой господин», а к Великому Императору «мой повелитель», официально в Мировой Конституции записано не было, но в обиходе не осуждалось и не порицалось. Более того, сие обращение льстило самолюбию власть держащих и негласным законом бытия и придворного этикета приветствовалось.

Глава 3

После того, как верный слуга сатрапа, вместе со своим слугой, покинули комнату, Ай Гэ ли вновь обратил свой гневный взор к преступникам.

– Вот скажите мне, – спросил он, не теряя, однако, над собой контроля, – зачем вы разрушили свою жизнь? Ведь вы ни в чём не нуждались, имели законное трудовое место, благоклонно дарованное Великим Императором и обеспеченное социальной картой индивидуума. Вот ты, – сатрап глянул в досье на планшете, – Ви Са Ше, номер 281277, доктор медицины, магистр вирусологии, имел тёплое местечко в главной лаборатории Института микробиологии, где спокойно занимался своим любимым делом, изучая в микроскоп своих микробов, паразитов и других мелких гадов. Имел где жить, что есть и в чём иногда куда-нибудь сходить. Так зачем же ты полез туда, в чём ни черта не смыслишь? Ведь уже не так молод, чтобы по глупости наживать неприятности?! Не понимаю!

И тут блондин в очках, ранее испытывавший чувство страха, преобразился. Он посмотрел в глаза своему правителю и, с волнительной дрожью в голосе, сказал:

– И не мудрено, что не понимаете. А вот я полез именно туда, в чём, полагаю, кое-что смыслю, и, быть может, даже больше, чем ваши лживые и лицемерные, но увешанные званиями и регалиями академики. А что касается возраста, то сделать попытку стать Человеком с большой буквы никогда не поздно. И свою точку зрения я не изменю, чем бы мне это ни грозило. Наш Великий Император является главным преступником планеты. По приказу его правительства мы вывели новый штамм вируса, о масштабе опасности которого вначале даже не подозревали. Но именно за его личной резолюцией был получен секретный документ о совместном с Бюро Контроля Населения испытании нового бактериологического оружия. После месяца подготовки, испытание было проведено в Южном полушарии. В результате бесчеловечного эксперимента погибли сотни тысяч людей, включая детей, а через СМИ сообщалось о страшной трагедии, произошедшей по вине неизвестной ужасной болезни, поразившей целый континент. Все были в трауре, и первым выразил соболезнования сам Император, а затем, в авральном режиме, были брошены в очаг смерти службы спасения. Любой ценой надо было захлопнуть этот «ящик Пандоры». Казалось бы, всё чинно и благородно. С печалью на лице Император объявил недельный планетный траур и приказал близлежащим регионам принять беженцев и больных, обещая в скором времени найти панацею. Но самое главное и самое страшное не это, а то, что вакцина, нейтрализующая болезнетворные микробы, была готова ещё до эксперимента, но о ней никто не заикался целых два месяца. Это как? Это, господа правители всех рангов, массовое убийство, и я, так или иначе, к нему причастен. Даже не иначе, а

напрямую. И я готов лучше умереть, чем жить с таким тяжким грузом. Хотя и умирать, честно признаюсь, немножко страшновато, но это от того, что всё делать в первый раз страшно.

Странно, но никто из присутствующих его даже не попытался остановить. Сидящие за столом слушали с каменными лицами, а сатрап поглядывал то на них, то на учёного, но перебить также не решился, хотя ответить на вопрос, почему он этого не сделал, не смог бы, пожалуй, и он сам. Лишь потом, видя спокойствие комиссии, решил указать глупцу на его наивность и недалёковидность:

– Ты, Ви Са Ше, человек умный, но дурак. Нет в тебе житейской мудрости. Не тебе, человеческому микробу, понять величие дел Великого Императора. Всё, что делается с повеления нашего Мудрого Правителя, делается во благо всего человечества, какими бы странными ни казались его решения глупому обывателю. Только Император своим исполинским разумом может постичь и объять нужды и потребности всей планеты, и своей недюжинной, космической волей может разрешить все мировые проблемы.

Дополнил длинноволосый:

– Только в нашем мире хитрость, лицемерие и коварство приравнивали к мудрости, а массовые уничтожения людей к нуждам и потребностям планеты. А тропа к Истине давно заросла джунглями и непроходимыми джунглями из ловко сплетённой и повсеместно рассаженной лживой идеологии, и высокими колючими зарослями секретной информации.

Все переключили внимание на проповедника, а Ай Гэ Ли, уточнив в своём планшетке регистрационные данные бывшего гражданина Империи, ехидно к тому обратился:

– Как ты теперь смело и красиво говоришь, а почему же так долго скрывал свои убеждения, занимая ответственную должность? Делал карьеру, Ай Си аШ 190169?

– Я занимался любимым делом – изучал и преподавал историю человеческого сообщества, его движущие силы, идеи, доктрины, и тех, кто за всем этим стоит. А своё несогласие с насаждаемыми обществом и каждому человеку в отдельности лживыми «ценностями» выражал всегда. Хотя раньше это делал в очень узком кругу. И причина этому банальна – мне также знакомо чувство страха. Было... знакомо.

Сатрап издевательски спросил:

– А теперь это чувство сильно притупилось или ты его совсем потерял? Вы подумайте, потерял чувство страха?!

– Не совсем, – спокойно ответил Ай Си аШ. – Я просто нашёл в себе смелость это мерзкое чувство победить, ибо только трус боится собственного страха. А вот чтобы найти в себе смелость для борьбы с ним, тут нужен очень сильный помощник. Такой помощник, в сравнении с которым Император – букашка.

– И кто же твой могущественный помощник?

– Только Бог, и никто более.

Ай Гэ Ли вспыхнул:

– Замолчи, несчастный! Как ты смеешь нам такое говорить?! На Земле бог один – наш Величайший и Мудрейший Император! Только он достоин поклонения и почитания! – И вдруг резко успокоился, видя, что со стороны важных особ гневной реакции не следует. По крайней мере, он сделал то, что должен был сделать. – Вот эта дурацкая тяга к проповедям и ораторству и погубила тебя, глупец. Впрочем, вы оба, – сатрап указал на Ай Си аШа и Ви Са Ше, – заплатились за свои длинные языки. И ведь не станете отрицать, что первое время мы пытались наставить вас на путь истинный: предупреждали, проводили разъяснительные беседы, штрафовали, наконец. Ни разу даже не подвергли общественной обструкции и не посадили в тюрьму. Но вы, умные люди в своём роде, не вняли голосу разума, а ваши последующие действия вынудили нас принимать жёсткие меры. Что вам мешало одуматься и вернуться к обычному, нормальному образу жизни?

– Исключительно – совесть, – ответил Ай Си аШ. – Когда духовное и мыслящее творение Божье превращают в тупое и послушное животное, и, сгоняя в стадо, управляют не только поступками, но и мыслями, которые ещё не окончательно иссохли, я не могу назвать это образом жизни настоящего человека. Это биологическое, первобытно-примитивное существование. В людях уничтожили истинную веру в Бога, заменив её поклонением, может быть, гениальному, но очень коварному демону. Почему я должен держать у себя в доме его портрет, если я этого не желаю? Почему я должен преклонять колено перед каменным истуканом? Да хоть бы и не каменным! Я отказываюсь это делать!

– Вот поэтому ты здесь, а не на своей кафедре и не в семье, где твоими жизненными спутниками были спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. А теперь, за свои идиотские духовные проповеди и за то, что посмел запихнуть портрет Великого Императора в чулан, ты навсегда исчезнешь с лица Земли. А моё напутствие будет таким – туда тебе и дорога!

Члены комиссии по-прежнему хранили молчание, лишь слушали и наблюдали. Ай Гэ Ли, показывая бывшему историку, что разговор на этом закончен, демонстративно повернулся к тому спиной и сделал шаг к коротко стриженному. В очередной раз заглянув в планшет, поднял голову и зло посмотрел шатену в глаза, испепеляя полыхающей яростью.

– И если те двое, – сказал он, сверля бунтаря взглядом, – за свои преступления заслуживают пожизненного порицания, но с правом на публичное покаяние и с надеждой на милость нашего всемилостивейшего Владыки, то ты, Се Ро Че номер... плевать мне на твой номер, на твои буквы и на тебя лично! Ты сполна и без вариантов заслуживаешь единственно верного наказания – смертельного порицания без права прощения о помиловании. Ты как осмелился, бесстыжая и наглая твоя рожа, решиться на такое страшное злодеяние? Это же надо было додуматься – пытаться свергнуть самого Великого Императора?!

– Как? – в крайнем изумлении спросил один из сидящих за столом, человек лет сорока с небольшим, с приятными чертами лица и с озорной искринкой в глазах.

– Как?! Вот так! Обыкновенно! – Сатрап сделал неопределённый жест рукой. – Накинули на шею Великому Императору верёвку и пытались сбросить с пьедестала. Кошунство-то какое! Вот только силёнок у них не хватило, уж больно наш Император велик, могуч и крепок. А там уж и наш патруль подоспел.

– А, так они пытались свергнуть памятник?! – в голосе того же приятного человека, при желании, можно было заподозрить вздох разочарования, но никто не захотел этого делать, а Ай Гэ Ли лишь возмутился подобным пренебрежением к столь тяжкому преступлению:

– Разве этого мало? Это откровенный шаг к измене и, не побоюсь этого слова, к планетарному перевороту через открытое подстрекательство на убийство!

– Да, да, вы совершенно правы, – быстро согласился человек с потухшей искринкой, ругая себя за свою оплошность. – Такому преступлению нет оправданий.

– Есть! – гневно воскликнул самый опасный преступник. – Есть одно оправдание, и зовётся оно – жаждой справедливости! Когда на создание массивных золотых истуканов и роскошных дворцов средств не жалко, а накормить голодных и вылечить больных не за что?! А кто и на грани жизни не желает подыхать, так им можно и помочь! Великие гуманисты с кровавыми руками!

– Да как ты смеешь! – заорал Ай Гэ Ли. – Ты жалкий и подлый лжец! Среди подданных Великого Императора нет голодных и больных! И нет ни одного несчастного человека! Есть только неблагодарные преступники, вечно чем-то недовольные! – Выплюнув положенное негодование, опять сбавил обороты. – Вроде вас. И не считай чужие средства, бездельник, у тебя осталось одно средство – искупить свою вину... перед смертью. Тебе просто повезло.

Тут вмешался ещё один высокопоставленный гость. Человек пожилой и очень серьёзный, с пронзительным, можно сказать, лазерным взглядом и совершенно бесчувственным лицом, которому вся эта перебранка стала безразлична, но он цепко выхватил из неё главное.

– Ай Гэ Ли, – обратился он к сатрапу, который мгновенно к нему повернулся с физиономией кроткой и покорной. – Вы сказали ранее, что силёнок у них не хватило, а это значит, что он был не один, а с сообщниками. Не так ли?

Хозяин Восточной метрополии понял, что ненароком ляпнул лишнее. Он замялся, на лбу проступили капельки пота, но уже молчать было себе дороже.

– Да, господин Эмиссар, их было трое, но двум преступникам удалось убежать. Однако, ваше сиятельство, мы знаем о них уже всё и идём по следу. Со дня на день мы их поймаем.

Эмиссар встал, остальные автоматически последовали его примеру. Сатрап обмер. Обведя всех пронзительным взглядом, его сиятельство заговорил голосом ледяного спокойствия:

– Вы ещё скажите, что поймаете с минуты на минуту. Ладно, на этом ознакомление с главными персонажами действующей трагикомедии считаю завершённым. Теперь пора перейти к самому сюжету. Я полагаю, что кто-нибудь, хоть что-нибудь, пусть самую малость, намекнул вам, презренным преступникам, не пожелавшими оставаться счастливыми подданными Величайшего Императора из когда-либо правящих на этой планете, о своей дальнейшей участи?

Ответил Се Ро Че:

– Да, в общих чертах нам известно наша участь. Нас ждёт туристический полёт на загадочную планету Фантом. И, по всей вероятности, это билет в один конец, но зато бесплатный. Мы должны прифантомиться, выйти на связь с кораблём, который, кстати, будет ждать у причала сутки, поблагодарить за доставку и идти в тамошнее управление по беженцам и мигрантам за видом на жительство. Так?

– Неужели данную информацию сообщил, особенно в подобной форме, наш любезный Ай Гэ Ли? Не замечал за ним склонности к иронии и фантазии, да и слишком оптимистический его взгляд на ваше будущее тоже удивляет.

Сатрап затряс головой, давая понять, что ничего подобного он не говорил. Се Ро Че тут же оправдал своего бывшего территориального хозяина:

– Да нет, господин сатрап не в курсе таких подробных мелочей какой-то далёкой планеты. Это нам поведал надзиратель тюрьмы в Южном округе, пока мы сидели в его клетке. Очень милый и отзывчивый человек.

– Чёрт знает что творится, – хладнокровно возмутился мужчина с лазерным взглядом. – Билет в один конец, сутки ожидания... Это, конечно, не планетарная тайна, но чтобы каждый стражник знал... Бардак в твоём королевстве, почтенный Ай Гэ Ли! Бунтари сбегают, секреты известны каждому идиоту... халатность в службе.

Сатрап взмолился:

– Могушественнейший Эмиссар Великого Императора, всё исправим и уладим! Бунтарей изловим, секреты засекретим, а виновных найдём и накажем! Честное слово честного человека!

Эмиссар тут же смилостивился и простил:

– Хорошо, я верю. А сейчас, дорогой Ай Гэ Ли, у меня к вам будет деликатная просьба. Только прошу не воспринимать её как личное оскорбление, потому что лично от вас у меня секретов нет. Но есть некоторые нюансы, касающиеся исключительно научных вопросов, которые лучше всего... скажем более мягко, предпочтительнее решать в приватной обстановке при жёстком минимуме посторонних ушей.

Сообразительный хозяин дворца догадался, что его вежливо и недвусмысленно выставляют вон. И, несмотря на важность гостей и их миссии, ему стало обидно, и он тихо переспросил, чтобы окончательно убедиться в своей неприятной догадке:

– Вы желаете, высокочтимый Эмиссар, чтобы я удалился?

– Я всегда считал вас очень умным человеком. Да, мы желаем беседовать трое против троих. Но это только в целях особой секретности и безопасности, – посчитав, что приличия и

такт соблюдены, Эмиссар отдал приказ. – И снимите, наконец, вы с них эти дурацкие браслеты. Это не стадные дикари, а разумные и цивилизованные индивидуумы.

– Как скажете, ваше сиятельство, – Сатрап выполнил приказ, поклонился и вышел.

Глава 4

Когда закрылась дверь за, раненым в чуткое сердце стрелой недоверия, правителем Восточной сатрапии, Эмиссар вышел на середину комнаты, повернулся таким образом, что по правую руку стояли двое его спутников, а по левую – трое преступников, и обратился с короткой речью ко всем:

– С этой минуты я прошу всех здесь присутствующих если не отбросить полностью, то приглушить максимально голос социальной, политической и религиозной нетерпимости, чтобы в спокойной и уравновешенной обстановке мы могли вести конструктивный диалог.

После этого повернулся лицом к нарушителям священного закона и, первым демонстрируя пример гражданской лояльности, представил себя и своих спутников:

– Меня зовут Си О Ха. Я являюсь действующим членом Мирового Правительства и руководителем научного сообщества по космическим исследованиям. Также имею честь состоять личным советником нашего Великого Императора. Это господин У Эн Си, – он указал на человека, ранее вскользь представленным, как мужчина лет сорока с приятными чертами лица. – Лицо, персонально ответственное за изучение и освоение планеты Фантом. Академик. – И посмотрел ничего не выражающим взглядом на Ви Са Ше. Потом кивнул в сторону третьего незнакомца. – Ну а это – ваш непосредственный начальник в ближайшем будущем, командир космического аппарата «Поиск 1» – Ха Си Пи. А теперь берите стулья и присаживайтесь к столу. Нам предстоит кое о чём договориться, кое-что обсудить и кое-что решить.

Арестанты взяли стоявшие у стенки стулья, а Си О Ха вернулся на своё место. Когда все уселись, советник Императора вновь взял слово:

– Мы не будем здесь и сейчас обсуждать ваши непростительные, с точки зрения закона и морали, преступления, и даже не будем о них упоминать. Более того, я готов, как представитель Императора, наделённый большими полномочиями, приравнять сии деяния к необузданным эмоциональным вспышкам, вследствие кратковременного помутнения рассудка, если вы выполните два условия. Всего.

Трое заключённых переглянулись, а Се Ро Че угрюмо спросил:

– Интересно, какие условия могут предъявить умалишённым, пусть и кратковременно?

Эмиссар выдавил из себя усмешку, что являлось редкостью:

– Не волнуйтесь, я не стану требовать от вас публичного раскаяния и выдачи ваших единомышленников...

– У меня нет никаких единомышленников, – тихо воскликнул Ви Са Ше, – разве только микробы.

– Мы это знаем, – успокоил си О Ха. – Как знаем и то, что вы между собой до встречи в клетке знакомы не были, что вы принадлежите к разным идейным направлениям, что у вас, кроме Ви Са Ше, друга исключительно, как он сам признался, микробов, имеются друзья, товарищи и братья, так сказать, по идейному оружию. Нам всё это известно и, рано или поздно, мы всех бунтарей пригвоздим к столбу позора на любой площади любого города нашей Великой Единой Империи. И ещё, естественно, мы в курсе вашей интимной жизни.

Он сделал паузу на глубокий вдох и медленный выдох, а затем продолжил:

– Ну ладно, оставим контроль над внутренним миропорядком для соответствующих органов, а мы обратимся к более глобальным вопросам. Итак, вот два условия, выполнение которых гарантирует вам не просто жизнь, а жизнь свободную, достойную и уважаемую. Не перебивайте. – Предостерег Эмиссар, заметив попытку Се Ро Че что-то сказать. – Это бес-

тактно и не красит культурного человека. Для начала выслушайте, это не займёт много времени. Итак, вот два условия. Условие первое – вы подписываете контракт, согласно которому поступаете на службу в Космическое Агентство, где обязаны выполнять определённые штатные требования. Условие второе – вы даёте устную клятву, заметьте – устную, а не на Кодексе Священных Законов Великого Императора, потому что мы знаем цену вашего слова и проявляем полное доверие, что по прибытии на планету Фантом вы не проигнорируете свои обязанности, предусмотренные контрактом первого условия, и не прервёте связь с кораблём по собственной инициативе. Согласитесь, условия более чем комфортные и гуманные, учитывая тяжесть вами содеянного? Ну, так как?

– А никак! – первым резко ответил Се Ро Че. – Я не пойду на сделку с ненавистной мне властью, ради мнимого собственного благополучия, предав тем самым свои принципы и своих друзей.

– От вас я другого и не ожидал, – спокойно сказал Си О Ха. – Что ответите вы? – Он посмотрел на Ай Си аШа.

Тот на минуту задумался, а Се Ро Че, ещё без презрения, но уже с неприятным удивлением, посмотрел на товарища по общему будущему, приняв его задумчивость минутной слабостью духа, неожиданно поколебавшей казавшейся твёрдой и монолитной, как гранит, жизненную позицию. Но он был не прав. Ай Си аШ не колебался ни секунды, он лишь подыскивал нужные слова для своего ответа.

– Ваше лестное предложение, – медленно заговорил бывший декан кафедры Новейшей истории, – могло бы поколебать многие незрелые души и умы, и даже далеко не каждый, ранее непоколебимо уверенный в себе человек, устоял бы перед таким соблазном. И всё же, даже если бы нам не предстояло лететь туда, откуда ещё никто не вернулся, а выбор состоял лишь между благоустроенной, какая, собственно, у меня и была, но лживой жизнью и столбом позора, я бы без раздумий сто раз выбрал бы столб, потому что для честного и порядочного человека он является не столбом позора, а столбом чести и достоинства. Я питаю больше уважения к мёртвому льву, нежели к живому шакалу. Но...

Эмиссар, потерявший было к историку интерес после его категоричного ответа, услышав неоднозначное «но», вновь с любопытством обратил на него свой взор.

– Но, – продолжил Ай Си аШ самовольно прерванную мысль, – не подписывая никаких контрактов, ибо у меня уже есть контракт на всю оставшуюся жизнь, могу дать честное слово служителя Истины, которая сокрыта в Слове Божьем, что, если мне соблаговолит предоставить такую возможность, я обязательно сообщу всё, что буду видеть, слышать и знать. Или то, что мне разрешат сообщить. И обязуюсь самоуправно связь не прерывать. Вот таков мой ответ.

– Ну что ж, прекрасно! – без эмоций воскликнул Си О Ха. – Я большего и желать не мог бы.

Поспешил вмешаться и Се Ро Че, восхищённый речью коллеги, и предпочитающий, видимо, полёт в неизвестность, чем известность на площади у столба:

– От выхода на связь я также не отказывался, если помните?! Хотя бы для того, чтобы поблагодарить за доставку и рассказать, какая там чудесная жизнь. И обрывать связь я не вижу смысла.

– Ну, насчёт чудесной жизни мы поговорим позже, – иронично заметил Эмиссар, не выдавив на этот раз и намёка на улыбку. – Об этом вам лучше расскажет академик У эн Си. Дело осталось за малым – что ответите вы?

Взгляды всех присутствующих обратились на блондина, знатока существующих микробов и родителя новых, вирусолога Ви Са Ше. Он поёрзал на стуле, кашлянул, прочистив горло, и негромким, но твёрдым голосом заговорил:

– Не буду лукавить, моей заветной мечтой всегда являлась возможность иметь собственную лабораторию, чтобы заниматься любимым делом при максимальной независимости. А

именно, – изыскивать вакцины жизни, побеждающие смертельные вирусы. Найти, или изобрести, если хотите, чудодейственный эликсир, избавляющий от болезней и продлевающий человеческую жизнь.

– Вы мечтатель и фантазёр, уважаемый гуманист, – не удержался Се Ро Че, но тут же спохватился и принял кроткий вид. – Извините за резкость, друг мой, и за то, что перебил. Прошу, продолжайте.

– Может быть, вы и правы, – согласился доктор. – Но я такой, какой есть. Кто-то находит человеческие болезни в социальных язвах, кто-то – в нравственных, а кто-то – в политических. Я готов согласиться и с первыми, и со вторыми, и с третьими, но каждый должен заниматься тем делом, которому решил посвятить свою жизнь. Се Ро Че призывает к общественному равенству и к общим для всех правам и обязанностям, протестуя против бесчеловечной градации социума. Я с ним согласен. Ай Си аШ ратует за духовное возрождение через веру в Бога и исполнение Его заповедей, а не в Императора, культ которого проник во все сферы жизни. Я и с ним согласен. Но ведь я, по сути своей, врач и обязан лечить людей. Всех. Мне же пришлось стать невольным убийцей. К тому же – массовым. Так вот, – Ви Са Ше начал волноваться и говорить немного сбивчиво, но достаточно ясно, чтобы все поняли. Ждали лишь, так сказать, резюме речи, которое недвусмысленно обозначило бы гражданскую позицию доктора. – Во мне сейчас присутствуют две личности: учёный и человек. И как бы учёный ни пытался меня убедить в своей невинности и в лукавом оправдании совершённого, я, не уничтоженной совестью, чувствую все его доводы мелочными и эгоистичными. Потому что, прежде всего, я – человек! А посему, я повторю то, что говорил ранее: мы все, включая Великого Императора, мелкие частицы, пылинки Вселенной, глупо и неправомерно возмнившие себя вершителями судеб мира, а то и космоса. Отсюда все наши беды. Вместо того, чтобы вместе дружно противостоять напору бед и несчастий, мы их изобретаем сами. Но по неписанному закону Вселенной, мы, частицы мироздания, однако наделённые разумом, волей и совестью, должны за всё понести наказание. Пришёл и мой срок платить по счетам. Я готов, если не погибну сразу, поддерживать связь и сообщать всю получаемую мной информацию, но я, как и мои новые друзья, отказываюсь что-либо подписывать. Эта подпись равноценна продаже совести.

Эмиссар встал, сделав жест рукой, разрешающий остальным оставаться на своих местах. Было заметно, что его все эти философско-нравственные рассуждения и самобичевания утомили, но когда Си О Ха заговорил, то голос оставался абсолютно спокойным, без малейшего оттенка раздражения:

– Хорошо, мне всё стало предельно понятно. – Он отошёл к окну и задумчиво посмотрел на небо. – Главный вопрос решён, пусть и не в оптимальном варианте. Но это, я думаю, уже не столь важно. Теперь я хочу предоставить слово нашему учёному другу. У эН Си, осветите этот вопрос научным прожектором. Только умоляю – будьте лаконичны, у нас ещё уйма дел.

– С удовольствием, господин Си О Ха! – ответил молодой академик и, глянув на будущих астронавтов, дружелюбно улыбнулся. – Итак, начну с парадоксальной фразы. Об этой планете нам известно абсолютно всё и ровным счётом ничего! – Теперь он смотрел торжествующим взглядом, ожидая получить удовольствие от произведённого эффекта. Но, кроме некоторой доли любопытства, глаза слушателей оставались спокойными и вспышки яркого блеска от озвученного факта не произошло, что чуть-чуть огорчило У эН Си, но не расстроило. – Я думаю, господа, что сумею увлечь вас этой удивительной планетой. Начнём с того, что она находится на орбите звезды Капелла в созвездии Возничего ровно на таком же расстоянии, как наша Земля от Солнца. У неё точно такие же сидерический и синодический периоды обращения, у неё также имеется свой спутник, наподобие нашей Луны, у неё совершенно одинаковые с Землёй параметры. Это краткое изложение астрономических данных этой странной планеты, справедливо получившей имя Фантом.

Слушатели зашевелились и заинтересовались. Астроном другого и не ожидал, он знал, что разбудит их дремлющий интерес. Даже человек, совершенно далёкий от науки вообще, и от астрономии в частности, и тот должен был увлечься, узнав, что где-то в глубинах Космоса существует полный прототип, или сестра близнец, родной планеты. Они молча ожидали продолжения, хотя скептик Се Ро Че и здесь не удержался от замечания:

– Это очень удивительно, но отнюдь не странно. Может где-то далеко, ещё дальше, имеются ещё такие же планеты. И при чём здесь Фантом?

Глава 5

– Я вижу, господа, – засмеялся академик, – в ваших глазах уже гораздо больше настоящего интереса, чем вежливого любопытства. Заинтриговал, да? И о странностях, дорогой Се Ро Че, ещё не раз расскажу. Это только начало, вся интрига впереди. Первые же роботы-исследователи, десантированные на поверхность Фантома, дали потрясающие результаты! Атмосфера планеты состоит, как и земная, в основном из азота и кислорода, но не совсем идентична в процентном соотношении. Если земная атмосфера содержит 78 процентов азота и 21 процент кислорода, то на Фантоме это соотношение выражается цифрами 75 к 24. То есть, кислорода там больше. Но и это лишь небольшая часть того удивительного сходства с нашей планетой, о котором учёные не смели и мечтать! Там обнаружена вода в виде пресных рек и озёр, ещё мы можем утверждать, что имеется, как минимум в одном экземпляре, либо море, либо океан. Робот, попавший в водную стихию, успел дать информацию, но сам вышел из строя и утонул.

– Не повезло, бедолаге, – вскользь заметил Се Ро Че. – Правда, акулам с пираньями повезло ещё меньше.

– Да, – согласился учёный, – им от него проку мало, а вот зубы свои наиболее алчные особи, скорее всего, покروшили. – И тут же вернулся к основной теме. – И вот ещё одна важная деталь. Пробы почвы показали наличие многих химических элементов, вследствие которых она с полным основанием может считаться плодородной.

Се Ро Че вновь вставил реплику:

– Извините, но если там обнаружены воздух и вода, то логично и естественно, что и почва окажется вполне съедобной.

И на этот раз У эн Си с воодушевлением согласился:

– Вот именно! Вы представляете, там можно выращивать многие сельскохозяйственные культуры, пасти скот... ну и так далее.

Ай Си аШ недоуменно на всех посмотрел и спросил:

– В таком случае, я не понимаю, в чём здесь таинственность? Почему эта планета Фантом? И зачем вам мы, люди крайне ненадёжные и в таких делах не слишком сведущие, разве только Ви Са Ше?

Эмиссар, всё это время то молча ходивший, то задумчиво глядевший в окно, выходявшее на имитацию дикой лужайки, резко повернулся и ответил:

– Есть одно негативное обстоятельство, которое в корне разрушает всю нарисованную идиллию. – Он нарочито выждал паузу. – Там непроглядный туман. Туманная тьма!

– Вот именно! – запальчиво воскликнул доктор свою, видимо, любимую фразу. – И природа его совершенно непонятна! Это нонсенс! Многочисленные пробы воздуха показывают относительную влажность, не превышающую семидесяти пяти процентов, а видео съёмка, во всех без исключения случаях, показывает настолько плотный туман, что невозможно наблюдать предметы дальше четверти метра. И представьте, этот туман никоим образом не сказывается на плотности атмосферы, атмосферном давлении и на температурном режиме планеты, который более благоприятен, чем на Земле.

– И самое главное, – опять взял слово советник Императора, – нам непонятны причины, или мотивы, резкого обрыва связи и не возвращения исследователей на орбитальный корабль. И если с роботами сей инцидент я могу обосновать внезапной поломкой, вследствие каких-то неизвестных нам электро-магнитных или физико-химических воздействий на их электронное оборудование, то с живыми людьми я не могу найти веского, аргументированного объяснения.

– Прошу прощения, – скромно сказал Ви Са Ше, – но с человеком всё может быть гораздо проще. Ведь всё то, о чём вы только что говорили, может воздействовать и на человека. Да и многое другое. Человек – существо более уязвимое в этом отношении, нежели существо им созданное. Он может быть подвержен губительному воздействию инфразвука или ультразвука, в этом я не очень сильно разбираюсь, но такое вполне вероятно. Ведь мы, в отличие от роботов, имеем психику, а она неустойчива. И, наконец, – тут доктор слегка покраснел, – в воздухе может присутствовать не поддающийся обнаружению смертоносный вирус, который и убивает всё живое?! Скажите, находили ваши исследователи хоть малейшие признаки биологической жизни? Муху? Комара? Земляного червя? – И тут же поправился. – Фантомного червя. Хотя, если червь фантомный и не дурак, то его вряд ли найдёшь, даже если он там и есть.

– Отставить шутки, – резко отрезал Си О Ха. – У нас мало времени и терять его на всякие глупости я запрещаю. Отвечаю на предыдущий вопрос. В этом заключается ещё одна необъяснимая загадка этой странной планеты. Всякая видео- и радиосвязь, будь то человек или робот, длилась ровно одну минуту, а потом... резкий обрыв. Так что, они просто не успевали что-нибудь найти. А теперь хотелось бы найти уже их, но неизвестно, где искать.

– Да, этот фактор если не разрушает полностью, то здорово подмывает фундамент моей версии, – с досадой сказал Се Ро Че.

Все с интересом на него посмотрели, ожидая продолжения.

– Если с роботами списать обрыв связи гибелью можно, – сказал он, – хотя тоже возникают некоторые сомнения, то в случаях с людьми мне хочется верить в то, что они там находили свободу, которой на Земле никогда не было, и прекращали связь вполне осознанно.

Эмиссар мгновенно отверг предложенную наивно-утопическую теорию, как совершенно абсурдную:

– И всегда ровно через минуту? А может и роботы находили там свой андроидный рай? Глупости! Прежде чем мы решили перейти к сотрудничеству с... интеллектуальными нарушителями закона, были совершены три экспедиции с профессиональными астронавтами и учёными. Никто не вернулся, а связь была прервана ровно через минуту. Они здесь имели всё: почёт, уважение, достаток, любимую работу, семью. Что они там должны были увидеть в течение минуты, чтобы на всё это плюнуть и остаться там без раздумий?

Ай Си аШ поднял руку и спросил, обращаясь к Си О Ха:

– Позвольте вопрос немножко не в тему?

– Извольте.

– Если оттуда не вернулся ни один робот и ни один человек, зачем, в таком случае, вы ставили первым условием подписание контракта? Ведь это теряет всякий смысл. Или, всё-таки, есть основания надеяться на благополучный исход? Или надеетесь, питаетесь иллюзиями?

– Я слишком серьёзный человек, чтобы жить иллюзиями, а основания надеяться есть всегда. Даже тогда, когда уже совсем надеяться не на что. Мы должны предусматривать все ситуации, а контракт, в случае удачной адаптации, явился бы лишним гарантом вашей лояльности. Но в вашем случае, мне достаточно вашего слова.

– Когда у вас здесь станет всё плохо, вам надеяться будет не на что и не на кого – вы все возопите от отчаяния. А что касается нашего слова, то оно обязывает нас всего лишь поддерживать связь, пока что-то не случится. В это время мы можем говорить что угодно и рассказывать о чём угодно, исходя из формулировки предложенных вами условий. Разве нет?

Си О Ха криво усмехнулся:

– Для богослова и философа вы слишком наблюдательны, а ум ваш цепок и изошрён в логике и анализе?!

– Не забывайте, что я долгое время изучал и преподавал отрокам Новейшую историю, а в том болоте без этих качеств никак.

– Ну да, конечно, – советник Императора не собирался уводить в сторону разговор и глупым спором нагнетать страсти. – Ну что же, слово дано – слово взято, ничего уже менять не будем. Но я надеюсь на вашу любовь к человечеству и на вашу помощь не по принуждению, а... по зову совести.

Теперь уже Ай Си аШ улыбнулся почти ласково, но с печалью в глазах. Голос его стал тише и глуше, с хрипотцой:

– Самые подлые и кровавые человеческие экземпляры частенько, по политическим или сугубо личным, эгоистичным мотивам, обращались к совести, гуманности и мнимому патриотизму наивных людей, а с именем Бога вели миллионы оболваненных и оголтелых зомби убивать, вешать и сжигать себе подобных. Бесчеловечные дела всегда прикрывались высоконравственными лозунгами, девизами и идеалами.

Любой другой на месте Си О Ха повелительным тоном пресёк бы дерзкие речи отъявленных бунтарей, но он был очень умён, хитёр и выдержка никогда ему не изменяла.

– Я сейчас скажу то, что говорить не обязан, да и не должен, – сказал он и обвёл взглядом всех троих. – Мы можем стать очевидцами собственной гибели. Грядёт неминуемый планетарный коллапс. Наша планета почти истощена, сама природа, кажется, восстала против человека, поэтому нам просто необходимо нахождение и освоение новых жизненно пригодных космических объектов. А тут такой подарок... такой шанс!

Но и тут богослов и историк не упустил возможность эту откровенность интерпретировать в мрачных тонах, но таких реальных и так присущих человеческой натуре, что даже ярый оптимист не решился бы его оспорить:

– Чтобы и там сделать то же самое, что и на Земле? Установить бесчеловечные законы иерархии и ненасытные принципы потребления и накопления, что в итоге, со временем, приведёт к гибели любую планету, которую заселит сегодняшнее человечество. Мы же как саранча, только если раньше находились в стадии ползучих и прыгающих прожорливых саранчуков, сбившихся в кулиги, то теперь превратились в летающих, агрессивных и сплочённых плотоядных ящеров, всё пожирающих на своём пути. Сколько раз Господь даровал возможность своим творениям, нам и нашим далёким предкам, жить по его законам?! Мы уничтожили Фаэтон, опустошили Марс и Венеру. Да мало ли ещё что! А сколько поколений человечества было на Земле?! И у всех был шанс! Но никто не пожелал им воспользоваться. Мы не исправимы в своей стадной агрессии и в своей гордыни, особенно – в желании властвовать. Любой ценой! Вот такие мы есть. Но я очень надеюсь, что все пропавшие люди живы и что им там предоставлена возможность изменить себя и построить новое общество людей. Общество не закона и порядка, а общества Гармонии – в любви и согласии с Богом, с собой и с природой.

Терпению Эмиссара мог бы позавидовать всякий, будь то правитель или простой стражник.

– Поверьте, профессор, – сказал он, выказав при этом редкую для него эмоциональность, – я искренне желаю того же. Но как это узнать? Вот если бы вы смогли продержаться на связи полчаса, час, чтобы попытаться выяснить, что же там творится на самом деле, а потом сообщить и показать бортовому компьютеру звездолёта?! Там просто должна быть жизнь, пусть ещё в зародышевом состоянии!

– А вы не допускали мысль, – вступил в разговор Ви Са Ше, – что отключение всех приборов происходит под влиянием внешних, точнее, внутрипланетных разумных факторов? Все наши версии основаны на земных знаниях, которые мы стараемся прилагать ко всему, с чем сталкиваемся. Это неправильно. Что во всех случаях является ключевым? – И не дав времени

на ответ, ответил сам. – Правильно. Ведь всё упирается в эту минуту земного измерения, в течение которой происходит что-то решающее, что-то кардинальное, и не зависимо от того, кто там – человек или робот. А ведь никто из них не подал ни одного сигнала тревоги, ни одного возгласа о грозящей опасности. Почему? Не успевали? Даже крикнуть? Возможно, за завесой тумана скрывается разумная жизнь, для которой родной туман не является препятствием для наблюдения, а затем внезапного воздействия на чужака?! И вовсе не обязательно, что всех сразу же уничтожают.

– Очень хочется на это надеяться, – вставил фразу Се Ро Че.

Пропустив мимо ушей последнюю тираду, Си О Ха ответил:

– Мы допускали множество мыслей и версий, в том числе, и нечто подобное, и даже старались, имея все доступные данные, вдумчиво и всесторонне анализировать, лишь гипотетически допуская в своих умозаключениях такой аргумент, как допустимая возможность существования НЕКТО или НЕЧТО. И думали над этим, уж будьте уверены, спецы в своей области, люди, отдавшие науке себя без остатка. И что же? В итоге, мы всё равно сбивались на невероятные фантазии, достойные разве что писателей-фантастов прошлого.

На минуту воцарилось молчание. Все о чём-то думали. Первым заговорил Ай Си аШ, с некоторой долей смущения:

– Я, конечно, очень сильно сомневаюсь, что сказанное мною каким-то образом заинтересует вас, но раз уж вы упомянули писателей-фантастов, то... Может, кто-нибудь из вас, хотя бы случайно, слышал о таком, когда-то очень известном и популярном, писателе-фантасте двадцатого века Станиславе Леме и его знаменитом романе «Солярис»?

– Дорогой профессор, – оживился У ЭН Си, – в нашей Космической Академии, в которой я имею честь преподавать, в обязательную программу не входит, но настоятельно рекомендуется, в том числе и мною лично, изучение лучших творений фантастики всех времён и народов.

Все с любопытством слушали и никто не вмешивался. Умный и сообразительный академик, не дав ответа на конкретно поставленный вопрос, резюмировал из него вывод в виде своего вопроса, вспомнив и скопировав старую идею на современную реальность:

– Если я правильно вас понял, вы предполагаете, что нечто подобное происходит на Фантоме, только в роли разумного организма выступает не Океан, а Туман?

– Как альтернативная версия, она, по-моему, ничуть не хуже.

– Граждане, – вмешался Эмиссар, – вы сбиваетесь уже даже не на фантастику, а на какое-то сказочное фэнтези. Разумные Океаны, Туманы... – Но после небольшой паузы размышлений, он смягчился. – Ладно, допустим, теоретически, что так оно и есть. Планета принимает незваных гостей, Туман с минуту их изучает, каким-то образом отключает всю электронику... а что дальше? Это первое. А вот второе. Почему эта планета является точной копией Земли? И для кого, скажите на милость, существует атмосфера, вода и плодородная почва? Ведь всё во Вселенной просто так не возникает, всё упорядочено и целесообразно. Всё имеет свой смысл, порой, правда, очень далёкий для нашего понимания. Но в конкретном случае, всё элементарно просто и вывод напрашивается один – Фантом ждёт своих жителей!

– А что если он, Туман, – сделал очередное предположение Ай Си аШ, – не просто изучает пришельцев, отключая электронику, а полностью их сканирует? И не просто сканирует наше биологическое устройство, а наблюдает нашу духовную сущность? А уже потом читает наши мысли, что является следствием первого?! – доля историка в Ай Си аШе давно уступала богослову и фантазёру-романтику. – Почему не допустить мысль, что он видит наши души так же отчётливо, как мы, например, видим друг друга при ярком свете на расстоянии вытянутой руки? И только после этого, после тщательного духовно-душевного осмотра, на что и уходит ровно минута, уже принимает окончательное решение о дальнейшей судьбе человека.

– А что же он делает с роботами? – саркастически ухмыльнулся Се Ро Че. – Наверное крайне удивлялся, когда не находил в этих созданиях души?

– Может быть, – согласился Ай Си аШ. – Только когда у робота отключали все приборы, он, в отличие от человека, переставал «жить» сам по себе. С ним всё было ясно и он больше никого уже интересовать не мог. Просто хлам.

Глава 6

Смелому, почти безрассудному, бунтарю всё это, видимо, надоело, потому что он не сильно хлопнул ладонью по столу и сказал:

– Сколько бы мы здесь ни говорили, правды, находясь в этом кабинете, всё равно не узнаем. Но вы меня настолько сильно заинтриговали, что, будь я даже не под арестом, а имел совершенно свободный выбор, непременно согласился бы полететь на этот туманный Фантом. Без раздумий. Поэтому, я предлагаю: меньше слов – больше дела.

Все незаметно и по-разному улыбнулись, а Эмиссар иронично и осуждающе покачал головой.

– Слова словам рознь, а полететь мало, – возразил он. – Надо полететь с максимальной пользой, а для этого нужна подготовка, в которую входит всестороннее обсуждение намеченной задачи. – Си О Ха пристально посмотрел в глаза СеРо Че. – Хотите дела? Извольте. У нас есть новая хитрость, которую мы хотели бы впервые опробовать на... с вашей помощью.

– Интересно. И что же это? – спросил любопытный, что касалось науки, Ви Са Ше.

– Это крохотные универсальные приборы, которые позволят вести визуальное наблюдение непосредственно из вашего тела. Эти миниатюрные регистраторы вставляются в глаза как обычные оптические линзы, и мы, в прямом смысле, будем наблюдать тот мир вашими глазами. – И тут советник позволил себе шутку. Хотя, может то была и не шутка, потому что лицо оставалось непроницаемым. – Прошу глаза не закрывать и часто не моргать.

– Человечество всегда неоправданно считало себя умнее, чем оно является на самом деле, – с грустной иронией заметил Ай Си аШ. – Думаете, таким образом можно обмануть более масштабный разум? Если он способен проникать в наши души...

– Это всего лишь ваша гипотеза, профессор, – бестактно перебил Эмиссар. – Не более. И у нас нет другой возможности, как пытаться добиться желаемого методом проб, технических хитростей и вашего искреннего желания помочь. Ну вот, теперь вы знаете столько, сколько и мы. И напоследок, дабы убить последние мои сомнения, хотелось бы услышать сейчас, чтобы вы добровольно изъявили желание полететь туда, откуда ещё никто не вернулся. Се Ро Че, как я понял, уже это сделал, теперь дело за вами... господа.

Двое арестантов, от которых советник Императора ждал ответа, молча переглянулись, без слов поняли друг друга, и старший из них кратко озвучил результат:

– Нас мало что держало в этом коварном и лживом мире раньше, а теперь не держит и подавно, но зато теперь наш путь будет окрылять надежда. – И через секунду добавил. – И вера. Мы готовы.

– Вот и прекрасно, – Си О Ха был удовлетворён. – Сегодня мы завершим все необходимые процедуры, завтра с утра – повтор усвоенного материала, который будете сейчас штудировать, а в полдень – старт. Я уже представлял командира корабля и вашего начальника в полёте Ха Си Пи, а теперь, если хотите, можете задать ему пару вопросов.

Первым оказался всё тот же любопытный Ви Са Ше, но вопрос был задан вовсе не из области науки:

– Космические исследования, насколько я знаю, самая секретная информация. Она на несколько порядков выше той области знаний, которыми занимался я, а я, как вы помните, занимался страшными и очень секретными делами... Одним словом, эта информация настолько засекреченная, что...

Эмиссар не выдержал и, криво усмехнувшись, сказал:

– Настолько засекреченная, что о ней знает всякий глупый провинциальный стражник. Впрочем, извините. Продолжайте.

– Да, спасибо. И тем не менее, эта та сфера, в которую могут допускаться лишь самые избранные. Мы уже они?

На губах доктора заиграла лукавая улыбка. Си О Ха её заметил и, впервые открыто засмеявшись, ответил, считая данный вопрос своей компетенцией, а не пилота:

– Да, вы уже избранные. Вам уже можно знать всё, – и хитро прищурившись, добавил. – Почти всё.

А Се Ро Че на это благоволение грустно пошутил:

– Мы смертники, а перед смертью разрешено, как последнее желание, пополнить свой интеллектуальный кругозор новыми, ранее не доступными, знаниями и секретами. От них уже не убудет, а мы, напоследок, потешим своё самолюбие. Скажите, командир, вы там уже бывали?

Ха Си Пи приосанился:

– Два раза. Это будет мой третий полёт к Фантому.

Следующий вопрос задал Ай Си аШ, человек наиболее далёкий от точных наук вообще и от астрономии в частности:

– Извините, но у меня вопрос одновременно астрономический и исторический. Я полагаю, что об этой звезде...

– Звезда Капелла из созвездия Возничего, профессор, – подсказал У эН Си.

– Спасибо. Да, так вот, я полагаю, что об этой самой Капелле людям известно давно, но почему же, в таком случае, ей не уделяли пристального внимания раньше? Ей и её окружению?

Ответил на этот раз молодой академик, почесав щёку:

– А потому, уважаемый Ай Си аШ, – произвольно сказав слово «уважаемый», У эН Си глянул в сторону Эмиссара, но тот, словно не слыша, оставался непроницаем. – Дело в том, что эта звезда не заслуживала пристального внимания. Это ещё одна загадка, или лучше сказать – парадокс, который очевиден, но невероятен. Звезда Капелла схожа с нашим Солнцем по спектру, цвету и температуре, но её светимость, а значит и поверхность, больше нашего Солнца в 120 раз! Это просто немыслимо, чтобы на её орбите существовала совершенно идентичная нашей Земле планета на таком же расстоянии!

– И тем не менее, это факт, – сухо сказал Си О Ха.

– Я так понимаю, – попытывался дотошный профессор, – что она слишком большая и слишком яркая?

– Именно так. Я не представляю, как там жить человеку днём при безоблачном небе?! И если бы не туман... – У эН Си запнулся, а затем с надрывом вскрикнул. – Голову могу дать на отсечение, что туман там неспроста! Мне кажется, что он в совокупности с магнитным полем выполняют защитные функции?!

– Ещё одна гипотеза, – хмуро сказал Си О Ха. – Их и так слишком много. Что туман там неспроста, это понятно, но как выяснить его природу? Мало выдвинуть гипотезу, надо её проверить и, если получится, доказать. – Он повернулся лично к Ай Си аШу. – Ещё что-нибудь желаете узнать?

Профессору стало неловко из-за своей назойливости, но какое-то детское любопытство толкало его вперёд. К новым познаниям.

– Я, конечно, не много в этом понимаю, но... сколько времени нам предстоит находиться в полёте? Ведь, насколько я представляю, путь неблизкий? Это, всё-таки, космические расстояния, и измеряются они, если память мне не изменяет, не километрами, а парсеками. А то и вовсе – мегапарсеками.

– Вы не только очень честный, – с маской на лице, но с задорной искоркой в глазах сказал Эмиссар, – но ещё и очень скромный человек. Для богослова и историка вы неплохо

осведомлены о Космосе: сначала Фэтон, Марс, Венера, теперь парсек и мегапарсек. Из вас получится хороший астронавт.

Ай Си аШ уловил не злую иронию советника, потому ответил с вежливой улыбкой:

– Мне, как богослову, стыдно было бы не знать владения Бога, вот только истинные знания люди часто прячут за лживыми, но красивыми фразами, сомнительными, но научно доказанными фактами, и за очень мудрёными цифрами и формулами.

Си О Ха быстро вернул разговор в прежнее русло:

– Я так полагаю, граждане новой эры, всех интересует вопрос времени и пространства, но никто не знает на него ответа? Может вернёмся в Южный округ и спросим у того надзирателя, который рассказал вам о Фантоме?

Последний вопрос-предложение был явно саркастического характера, хотя ни по тембру голоса, ни по выражению лица Эмиссара этого определить было невозможно. Все на это скромно улыбнулись, но промолчали. И вдруг Се Ро Че сказал:

– Я не знаю научного ответа на вопрос о космическом времени и пространстве, но я слышал о невиданном прорыве в космологии, благодаря новым технологиям, применение которых позволило землянам проникать в глубины Космоса в поисках Новой Земли, чтобы паразитическая элита, прихватив всё необходимое, включая обслуживающий персонал, оккупировала обнаруженные территории, установила там привычный иерархический порядок и стала, как и здесь, неограниченно править. А Землю уничтожить, взорвав весь ядерный потенциал. Ну как?

Советник небрежно отмахнулся:

– Обычная пропагандистская и демагогическая болтовня, основанная на слухах, распространяемыми врагами Империи. К тому же, глупо и безнравственно усиленная террористической составляющей, не имеющей под собой никакого реального основания. И знаете почему? Я отвечу, ведь вам уже можно знать почти всё. И дело не только в том, что ядерная энергия осталась в прошлом и основанного на ней оружия на Земле уже нет – сейчас имеется кое-что мощнее, – а в том, что ни один правитель, а уж тем более сам Император, имеющий истинную и реальную власть на Земле, не поменяет её на мнимую инопланетную. Править только здесь и сейчас! Вот такой девиз.

– Это только пока власть есть, а когда она начинает рушиться, причём – тотально, правители меняют свою точку зрения быстро. Даже моментально и даже ночью, убегая под покровом темноты из дворцов.

– Господа, мы опять отклоняемся в сторону, – дипломатично ответил Си О Ха и посмотрел на пилота. – Ха Си Пи, осветите профессору вопрос времени и пространства. Но, опять-же, очень кратко. Пока мы находимся в земном пространстве, надо дорожить земным временем.

У пилота промелькнула мимолётная, еле уловимая, усмешка с начинкой из сарказма и сатиры, но тут же спрятанная за серьёзным и почтительным выражением лица человека исполнительного и в высшей степени благонадёжного:

– Современные знания о Космосе, к сожалению, ограничены нашей Галактикой, да и то, честно говоря, изучена она далеко не детально. Но мы, астронавты-разведчики, ежедневно, рискуя своей жизнью, расширяем небесный кругозор. А это стало возможным благодаря нашим учёным. Они открыли, или обнаружили, как вам будет угодно, способ преодоления дальних расстояний в сжатые временные сроки. Об этом талдычили и в шутку и всерьёз ещё в двадцатом веке, но практическое подтверждение фантастической теории случилось в середине нашего века, когда группа астронавтов с учёными всех мастей на борту звездолёта почти случайно наткнулась на первую «кротовую нору» Галактики. А уж потом оказалось, что она, наша Галактика, буквально нашпигована этими норами, как наша Земля автомобильными дорогами. А что есть такое «кротовая нора»? Это некое гиперпространство, природу которого абсолютно достоверно объяснить не может никто, но попадая в которое объект перемещается по совершенно другим физическим законам, нежели те, которые существуют в нашем трёх-

мерном пространстве, не говоря о времени. Именно там, по непонятным пока до конца причинам, расстояния приобретают сказочно невероятные измерения. Даже время иногда становится понятием абстрактным, меняющим не только свою скорость, но и вектор своего движения, что очень опасно и вызывает большую настороженность.

– Но ведь мы можем заблудиться? – с беспокойством спросил вирусолог. – Нырнуть, скажем, не в ту нору?

– Заблудиться мы могли бы, – засмеялся Ха Си Пи, – теоретически, только отыскивая скоростные трассы к новым звёздам, а наша дорога под номером семь. Так что, мы не заблудимся. Через два часа после старта мы выйдем на орбиту Фантома.

– Но ведь Космос – не автострада?! – не унимался Ви Са Ше. – Там не расставлены указатели направлений!

Вновь вмешался Эмиссар, считая, что разговор затянулся уже слишком:

– Для этого, господа, существует подробная звёздная карта с точными координатами и грамотный штурман на корабле. На этом давайте закончим познавательную беседу и займёмся практическими делами. – Он поочерёдно посмотрел на преступников и неожиданно спросил. – И последний вопрос, из простого человеческого любопытства – вам действительно не страшно?

Трое вновь молча переглянулись, как бы вселяя друг в друга уверенность, но на этот раз каждый ответил за себя сам:

Ай Си аШ: «Я надеюсь найти там то, что здесь давно и безвозвратно утеряно. Хуже не будет, потому что физические муки ничто в сравнении с душевными. Мне не страшно».

Се Ро Че: «А я надеюсь встретить там отправленных туда ранее моих друзей, и с их помощью построить новую цивилизацию. Общество социальной справедливости и всеобщего равенства. Правда на моей стороне, а потому и мне не страшно».

Ви Са Ше: «А мне вначале было страшновато. Но наблюдая бесстрашие своих новых друзей и уповая на то, что может быть там и я смогу принести хоть какую-нибудь пользу людям своими знаниями и добрыми устремлениями, и искупить тем самым своё земное тяжкое преступление – вы знаете, что я имею в виду, – дух мой укрепляется и страх... в страхе улетучивается».

Советник Великого Императора остался доволен, глубоко скрыв свою снисходительно-презрительную улыбку на эти романтические и наивные ответы. Черты его лица ничуть не изменились, голос по-прежнему спокоен, и лишь слова выражали оптимизм.

– Начало настолько замечательное, что боюсь сглазить. Мы на вас возлагаем особые надежды, потому что ещё ни в одном полёте не случилось соединить вместе умных, честных и... светлых людей. А теперь пора браться за дело, чего так сильно добивался Се Ро Че. Вам ещё надо ознакомиться с устройством и управлением капсулой, на которой вам предстоит спуститься на чужую планету и, надеюсь, возвратиться обратно на звездолёт. Прямо сейчас мы летим на базу.

Глава 7

Через двадцать минут они покинули столицу Восточной метрополии. С улыбками, наигранно счастливыми, попрощались с хозяином – сатрапом Ай Гэ Ли, пожелав ему скорейшей опалы и пообещав радушно встретить того на Фантоме, в качестве честного и трудолюбивого члена нового общества. А спустя ещё полчаса приземлились на самом секретном объекте космического назначения, откуда и предстояло земным преступникам совершить свой первый и, скорее всего, последний полёт к звёздам. Время оставшегося дня до глубокого вечера было посвящено техническим занятиям на практике с теоретическими комментариями. И к их удивлению, всё оказалось намного проще, чем они это себе представляли. Неофициальный и полусерьёзный экзамен на допуск по управлению летательным аппаратом «Фантом 35», именуе-

мый капсулой, был успешно сдан, и часам к одиннадцати новобранцы отправились в спальную комнату, лишь слегка поужинав.

Утро следующего дня выдалось на редкость солнечным и почти безветренным, что на Земле случалось всё реже и реже. Группа людей, состоящая из трёх арестантов, командира корабля, его штурмана, двух охранников и личного представителя Правителя Земли по космическим исследованиям Си О Ха, который в день отлёта был странным образом возбуждён, но старался этого не показать, подошла к звездолёту, куполообразной конструкции двенадцати метров в диаметре и семи в высоту, и молча, без команды, остановилась. Всё уже не раз было сказано и все были готовы к старту, но как бы человек психологически себя не настраивал, покидать Землю в первый раз всегда очень страшно, а когда почти уверен, что навсегда, то становится мучительно невыносимо! Интервал времени на последние земные размышления не должен быть длинным, и уже после нескольких минут всеобщего молчания Се Ро Че сделал первый шаг к трапу. Эмиссар встрепенулся, осознавая, что пришла пора последнего напутствия на дорожку в неизвестность, и, когда вся команда стала подниматься к открытому в звездолёте люку, он негромко крикнул:

– Счастливого пути! Я на вас очень надеюсь! Помните, в ваших руках... и сердцах находится судьба человечества! – А потом, с надрывом и хрипотцой в голосе, выдал. – Да поможет вам Бог!

Никто не ответил, даже не обернулся, а профессора пробила душевная дрожь, которая отразилась на лице подёргиванием мышц. Его всегда коробило, когда люди, творящие зло, замаскированное благими намерениями, беззастенчиво и кощунственно упоминали имя Господа. Но он, как историк, знал, что никто так часто не упоминает Бога, как скрытые безбожники. Впрочем, его внутренних ощущений никто не видел, да и никому до них не было ровным счётом никакого дела.

Члены команды, заняв свои места, пристегнулись, а Ви Са Ше, постеснявшись поинтересоваться об этом вчера, не выдержал и спросил:

– Я всё не могу поверить, что на таком небольшом аппарате мы сможем покорить космический простор?

Командир корабля, отличавшийся, видимо, добродушным характером, засмеялся с нарочитым чувством профессионального превосходства.

– Легко! – весело ответил он. – Это тот случай, когда размер не имеет значения, а я, ребята, управляю не грузовиком, а разведчиком. – И тут же начал давать общие технические пояснения. – Антигравитационное устройство нейтрализует воздействие гравитонов и силу электро-магнитного поля в радиусе двадцати метров от корабля. Вследствие этого, мы получаем невесомость в пределах земной атмосферы, и требуется совсем немного энергии, чтобы управлять машиной. Компактный и универсальный двигатель получает топливо через турбину и генератор. Ничего сложного. Всё гениальное просто.

– А где же хранится топливо? – спросил Ай Си аШ, оглядываясь по сторонам.

Ха Си Пи рассмеялся ещё задорнее:

– Оно хранится везде! Надо только научиться его отовсюду извлекать. Время ядерных и газо-жидкостных энергий прошло, а на смену пришла эпоха более тонких, более мощных и более экологичных видов. Топливо поступает в двигатель в виде кинетической и потенциальной энергий, то бишь, независимо от того, двигаемся мы или стоим. А раз двигатель универсальный, то наше топливо не капризничает и не привередничает. Ему всё годится: эфир, звёздное излучение, даже из тёмной материи турбина умудряется высасывать крохи энергии и, в случае простоя, накапливает в аккумуляторы. – Вдруг повернулся и с лукавым прищуром глаз добавил. – А вот квазары всё время убегают, не желая делиться, пульсары не устойчивы и обманчивы, а чёрные дыры откровенные грабители: сами норовят всосать всё, что попадётся. Поэтому от них мы держимся подальше. А в остальном полёт гарантирую комфортный.

На этом беседа прервалась. Пилоты готовились к отлёту, нажимая кнопки, щёлкая тумблерами и тихо перебрасываясь фразами профессионального сленга. Все остальные сидели молча и, глядя в иллюминаторы, думали каждый о своём. Арестанты вторично прощались с Землёй, и на этот раз боль в душе была ещё сильнее, а вот от мыслей охранников даже самый лучший телепат пришёл бы в полное замешательство и взвыл бы от собственного бессилия.

Звездолёт плавно и совершенно бесшумно взмыл вверх и на большой скорости вертикально устремился к краю неба, сопровождаемый ослепительным сиянием Солнца. Пассажиры были немало удивлены почти полному отсутствию перегрузок на таких скоростях, но приставать с расспросами в такой момент сочли поступком бестактным. Ха Си Пи же, не поворачивая головы, шуточно поинтересовался:

– Не беспокоит?

– Только первые мгновения после ускорения, – ответил Ви Са Ше. – Ощущение такое, будто в Космос устремилось только сознание, оставив внутренности на Земле. Вы говорили, что размеры значения не имеют, а скорость?

– Когда нет гравитации и магнитного давления, скорость может быть произвольной. – Пилот щёлкнул тумблер и звездолёт замедлил движение. – Это я хотел произвести на вас эффект. Каждый пилот немножко честолюбив.

– Хорошо, – вмешался в разговор Ай Си аШ, – для преодоления земных препятствий скорость в сегодняшней космонавтике роли не играет, но что было бы, не будь обнаружены эти самые «кротовые норы»? Согласен, самый важный вопрос – вопрос топлива – решён, но чтобы преодолеть колоссальные расстояния, нужны и... больше чем космические скорости?! И что – тупик?

– Пожалуй, что так, – согласился Ха Си Пи. – По крайней мере, на данный технический момент. Даже если бы наши учёные смогли приблизить скорость корабля к скорости света, то только до границ Солнечной системы мы добрались бы за три года, а если дальше... жутко подумать!

– Значит, нам предоставили шанс, – заключил профессор. – И ещё это значит, что наша планета обречена.

Се Ро Че хотел было вступить в спор, но передумал, а все остальные тоже промолчали. А спустя минуту звездолёт без видимых усилий вырвался из цепких объятий Земли и невольные путешественники узрели прекрасный и завораживающий мир Космоса. И если для одних, это обычный маршрут, как для командира и штурмана, для других – скучная должностная командировка, как для стражей, строго и ревностно выполняющих инструкции, то для арестантов – это было эмоциональное потрясение. Воистину, увидеть Космос и умереть! И не только от восхищения. Безмолвное величие холодной и мрачной бесконечности не только завораживало и восхищало, но и навевало какой-то интуитивно-ассоциативный страх, особенно у людей впечатлительных и богатых фантазией.

– Внимание, входим в «кротовую нору», – буднично сообщил пилот.

Новоявленные астронавты ещё сильнее впились глазами в иллюминатор, стараясь не пропустить этот грандиозный момент. И вдруг, совершенно неожиданно и непонятно как, вместо окружающего спокойствия, вокруг всё замелькало и замельтешило. Земля, которую они впервые наблюдали как шар, исчезла вовсе, также пропало и Солнце, а вместо всеобъемлющей тёмной пустоты, началось быстрое мелькание и потухание огоньков, пронесившихся с невероятной скоростью возле иллюминаторов. Ха Си Пи, привычно отключив двигатель и переведя аппарат в свободный режим компьютерного контроля, повернулся вместе с креслом к своим пассажирам, растерянным и недоумевающим, и, приветливо улыбнувшись, сказал:

– Ну что, бывшие граждане преступники, а ныне свободные космические волонтеры, поболтаем?

– Я что-то не понял? – Се Ро Че первым своё недоумение облёк в словесную форму. – Мы что, уже в норе?

– В ней, родимой, – расслабленно ответил пилот. – Разве не видно?

– А что тут увидишь?! Я даже не заметил, как мы в неё попали.

Ха Си Пи оказался очень улыбочивым человеком.

– А что вы ожидали увидеть? Космический тоннель? Смешно. Если бы они были видны, то их нашли бы тогда, когда появились первые на земле телескопы.

– Это для меня слишком сложно, – признался Ай Си аШ. – А как-нибудь приземлённое нельзя объяснить?

Командир задумался.

– Приземлённое, говорите?! – он размышлял, подыскивая подходящие земные образные аналогии. И вдруг просиял. – Вот, представьте, перед вами океан, огромная масса воды, а внутри существуют подводные течения, которые, по сути своей, являются той же самой водой, и в то же время, как бы что-то обособленное, отдельное. Ну как, чувствуете разницу и сходство?

Пилот предоставил минутную возможность всем поразмышлять о разнице и сходстве космических «кротовых нор» и земных течений в океане, а потом перевёл разговор на другую тему:

– Вы не против, если я задам интимный вопрос?

Вопрос был обращён ко всем. Ай Си аШ и Ви Са Ше вяло пожали плечами, что могло означать следующее: «Мы, конечно, можем и ответить, но на вопросе не настаиваем». А Се Ро Че откровенно сказал: «Валяйте».

– У кого-нибудь из вас остались на Земле семьи? Или, пожалуй, спрошу более деликатно и социокорректно, но тавтологично. – Кто-нибудь из вас имел право иметь семью?

Се Ро Че, хмыкнув, первым и ответил:

– Я даже на это не подавал прошение. В профессии борца за социальную справедливость в страшно социально несправедливом мире, семья не просто излишняя обуза, но и безнравственный поступок. У меня была подруга, мой идейный соратник и помощник во всех делах. Но при других жизненных обстоятельствах, у нас, несомненно, была бы хорошая семья.

Ви Са Ше, чуть смутившись, сказал:

– Лет десять назад я сделал попытку обрести семью, но тогда мне отказали, а взамен выдали постоянный абонемент на еженедельное посещение Дома Утех и РАдости. А потом я полностью посвятил себя науке и о семье уже не помышлял, а в сексе выручала ДУРА.

После этих слов все дружно, но не громко, засмеялись, исключая, правда, охранников, которые участия в беседе не принимали, да и вообще ни на что не реагировали, в отличии от штурмана, который хоть и отмалчивался, но эмоционально в беседе присутствовал.

– Да, – сказал Ай Си аШ, – эта ДУРА, пожалуй, знакома всем. Даже импотенты к ней захаживают. Сладострастие взгляда, прикосновения, как непреодолимый позыв животного инстинкта.

Се Ро Че хитро прищурился и со слабо замаскированной интонацией издёвки спросил:

– Импотенты ладно, но вы... проповедник Божьих заповедей, слуга Господа... как вы до этого дошли?

Профессор несколько не обиделся:

– Я, к вашему сведению, как раз-таки до этого не дошёл, а от этого ушёл. А в молодости, чего уж там скрывать, бывал и я у этой ДУРЫ, да и вообще... хватало грехов. Но потом я встретил большую любовь, и это не было примитивным половым влечением, сугубо подразумевающим секс, а то была любовь, носящая имя агапе, и, к моему счастью, она оказалась взаимной. И нам, как ни странно, но к величайшей нашей радости, разрешили жить вместе и называться семьёй. А уже потом я нашёл дорогу к Богу, с которой больше никогда и никуда не отклонялся.

– И дети у вас есть? – спросил Ви Са Ше.

– Да. Сын. Но он уже взрослый.

– И вы думаете, власть оставит их в покое? – с непонятым упрёком спросил Се Ро Че. Ай Си аШ понимающе посмотрел в глаза коллеги и с мягкой улыбкой ответил:

– Дорогой друг, вы плохо обо мне подумали. Такую возможность я предвидел ещё пять лет назад, когда начинал активную деятельность по доставке Слова Божьего в души человеческие. Мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы убедить жену с сыном официально просить власти о расторжении нашего союза. Мы не должны причинять боль ближнему, даже ненароком.

– Они не разделяли ваших взглядов? – спросил Ха Си Пи.

Се Ро Че стремительно вмешался, не дав профессору ответить.

– Извините меня, Ай Си аШ, за допущенную резкость тона, но хочу теперь предостеречь вас. Не спешите с ответом. А лучше не отвечайте вовсе.

Все поняли намёк и с подозрением посмотрели на пилота, который искренне обиделся:

– Я космический пилот-разведчик с самым высоким допуском к секретной информации! – гордо заявил он. – И я очень люблю свою работу. Да, я, как и большинство, служу существующей власти, но ни один человек не посмеет ни обвинить, ни даже упрекнуть меня в доносите́льстве!

Заподозрить командира в лицемерии чувств, значит, нанести новое оскорбление. Всем стало стыдно, а Се Ро Че пришлось опять извиняться:

– Простите, Ха Си Пи, но моя осторожность и подозрительность оправдана. Если бы не она, я давно зачах бы на площади у позорного столба.

– Я вас понимаю, – пилот был не злопамятен, – но я не понимаю главного! Вот ради чего вы все жертвуете собой? Ведь о вас никто не вспомнит и никто и никогда не будет вам благодарен?! Зачем всё это? Вы думаете, я слепой или глухой? Нет. Я всё вижу, слышу и понимаю. И совесть, мне так кажется, у меня тоже есть. Точно есть, потому что я её слышу. Но ведь так устроен наш мир, и его приходится принимать таким, каков он есть. Просто каждый человек в отдельности в постоянном выборе между и между, должен руководствоваться совестью и честью. К чему этот глупый бунт, который, кроме личной трагедии, никому никакой пользы не несёт? В девяти случаях из десяти человек – ничтожество, не заслуживающее даже сочувствия, не говоря уже о том, чтобы ради него идти на смерть. Картину благодарности вы не раз могли наблюдать на площадях, когда добрые люди плевали в лицо прикованным к столбам за то, что те защищали их интересы.

– А кто их сделал такими? – в свою очередь спросил Се Ро Че. – Кто исказил их мышление? Кто довёл их до такого скотского состояния? Кто, шаг за шагом, убивал в них всё лучшее, всё светлое, пробуждая всё тёмное и низменное? Кто из мыслителя и созидателя сделал тупого насильника и потребителя, ищущего примитивных и порочных утех?

Эстафету принял Ай Си аШ:

– Сначала искалечили человеческую душу, убив в ней совесть, то есть – Божественное начало, а так как природа не терпит пустоты, то на это место запихнули идола – лживого, хитрого, коварного, но такого милого и сильного, что все признали его благодетелем, и испуганно падают ниц перед его золотыми клонами. Люди ослеплены сиянием мрака! И кто-то должен, в ущерб себе и без надежды на победу и даже благодарность, постараться вернуть их в обитель Божью. В этом мой смысл жизни, а если теряется смысл, то жизнь становится в тягость.

Ви Са Ше смутился от таких речей, он к ним не привык, но высказать свою точку зрения считал необходимым. Этого требовала товарищеская солидарность и статус колонизатора-смертника. Последнее с большой долей вероятности. Он сказал откровенно и просто:

– Жить по совести меня мама учила с детства, и никогда, ни при каких обстоятельствах не идти против неё. Да, мне повезло, я рос в хорошей семье. Но когда я вырос, то понял, что в жизни всё по другому и совесть лишь обуза. Честно признаюсь, я совершал поступки

противные моей сути, пытаюсь таким образом отделаться от угрызений совести, привыкнув к ним. Но так и не смог. Буквально всегда следом наваливалась такая смертная тоска и такая сильная внутренняя боль, что не хотелось жить. И я решил, что лучше умереть с совестью в ладу, если уж так случится, чем медленно умирать с постоянной болью в душе. Самое трудное, это сделать бесповоротный, окончательный выбор, а потом... уже легче и проще, даже если в жизни труднее и сложнее.

Получив исчерпывающие ответы, Ха Си Пи не стал ни вступать в дискуссию, ни соглашаться, он внезапно принял положение статус-кво и стал бесцельно смотреть вперёд, на мелькающую монотонную панораму. Он думал. Может быть, впервые в жизни пилот серьёзно размышлял. Все это поняли и мешать не стали, ведь чем больше человек размышляет и анализирует, тем он ближе к Человеку Разумному. Ай Си аШ непременно добавил бы: " Чем чаще человек слушает свою совесть, тем ближе он к Богу». И Ви Са Ше с ним согласился бы, даже если о Боге он никогда подолгу не размышлял.

Все погрузились в себя, исключая, разве что, охранников, которые продолжали тупо чередовать алгоритм взглядов – не внутренних, внешних – арестанты, иллюминатор, монитор компьютера. И все три объекта никаких эмоций у них не вызывали – им просто необходимо было куда-то смотреть, потому что спать запрещалось категорически.

Глава 8

Время шло и звездолёт неумолимо приближался к цели. И чем короче становился путь, тем больше усиливалось душевное беспокойство трёх пассажиров. Это чувство зарождалось произвольно, помимо их незаурядной воли, они могли его скрыть от окружающих, но напрочь уничтожить это чувство в себе было не в их силах. Это не был примитивный страх смерти, а скорее нервное возбуждение, доведённое до высшей степени, перед пугающим, неизвестным будущим. Как бы они ни убеждали себя и пилота в собственной вере и надежде, дрожь души унять было очень не просто. Арестанты лишь молча приободряли друг друга взглядами, потому что в данную минуту говорить не хотелось совсем.

И вот наступил тот момент, когда перед астронавтами предстал привычный Космос, с далёкими звёздами на фоне галактического полотна, грунтованного тёмной краской, яркой и крупной звездой прямо по курсу и неведомой планетой по правому борту. Командир поспешил сообщить:

– Да, друзья мои, это не наше Солнце, это звезда Капелла, которая станет в скором времени вторым вашим Солнцем, а вон прямо перед нами планета Фантом, который, я очень этого желаю, станет для вас Землёю. И мне, честно вам скажу, впервые почему-то грустно. Очень хочется, чтобы вы вернулись, но это так же маловероятно, как мне стать Великим Императором. – И тут Ха Си Пи вновь улыбнулся. – Я не говорю, что это невозможно, но шансов маловато. – Он сделал паузу. – Сейчас мы зайдём на её орбиту и вы сможете разглядеть свой будущий дом поближе, хотя всё равно ни черта не увидите. Сплошная оболочка серого цвета, именуемая Туманом. А вообще, ребята, лучше настраивать себя на худшее, тогда лучшее, если оно случится, покажется чудом. Как ни крути, мы все желаем себе только добра и втайне ждём чуда, которое часто находится рядом, а мы его не замечаем. Я чуда не встречал, но в Космосе я счастлив, и я хоть на время забываю, что вытворяют на Земле всякие ублюдки.

Ай Си аШ удивился, а потом поправил:

– А вы, оказывается, немножко философ?! Начало хорошее, только плохо, когда человек живёт исключительно ради себя. Ведь этот эгоистичный и хрупкий мир может рухнуть в любую минуту. А что тогда? Очень страшно остаться с бедой наедине. Человеком должны руководить любовь, милосердие и сострадание к ближнему. Только в этом случае человечество может выжить, а со временем – достигнуть Гармонии.

Се Ро Че не согласился:

– Это, дорогой профессор, чистейшая утопия, которая дальше призывов и идиллических романов не доходила. Я не могу, да и не хочу, заставить себя любить Императора, всех его сатрапов и подхалимов, а проявлять к ним милосердие и сострадание ровно такое, какое они проявляют к людям. Справедливое общество можно построить только в строгом исполнении, всеми без исключения, юридических и нравственных законов.

На это уже возразил Ай Си аШ:

– Но это, мой друг, всё то же насилие, а насилием счастливое общество не построишь. Это уже не раз доказано кровавой исторической практикой. Человек настолько слаб и слеп, что ломая старое здание угнетения, построенное на фундаменте честолюбия, тщеславия и алчности, он рушит только верхнюю часть и тут же начинает строить своё, как ему кажется, здание свободы и справедливости. Но ведь фундамент остался старый, в который сам строитель в скором времени и вращается, пуская корни. А разрушить старый фундамент без Божьей помощи человек не сможет никогда. Наша самоуверенность – самообман, ловушка, в которую человек добровольно, и даже с энтузиазмом, попадает.

– Вы, Ай Си аШ, уже совсем мало историк, а очень много богослов! – Се Ро Че не хотел ни обидеть, ни, тем более, оскорбить товарища, но сдержать лёгкого раздражения, прикрытого натянутой улыбкой, не смог. – Хотелось бы поменьше мистики.

Проповедник поправил длинные волосы и добродушно улыбнулся:

– Мистика, это душа, а она самая что ни на есть материальная реальность. Богословие же – есть Истина и Божья Мудрость, сокрытая в Слове, а история всего лишь человеческая наука, которую, как и закон, можно трактовать по разному и крутить, и вертеть её в разные стороны, что с успехом и делают политические жонглёры. Поэтому, неважно, какой профессии человек, а главное – это служение Господу через исполнение Его заветов и наказов, в которых Благодать Божья. А получив её, человек становится солью земли и светочем мира.

Вмешался пилот, понимая, что вмешаться надо:

– Так вот какую историю вы преподавали студентам?! Теперь мне понятно, почему вы не там, а здесь. И я считаю, что вам ещё повезло. Красиво и убедительно говорите, а значит – опасно. Великий тиран и диктатор, возмнивший себя чуть ли не богом, а в нашем случае – выше, никогда не потерпит конкуренции в культе поклонения. Как он однажды в пылу редкого раздражения отрезал Главе Мировой Церкви: «Бог един, и этот бог – я!» Комментарии, как видите, излишни. Но наш Император прекрасный актёр и умеет играть на публику. Он, желая прослыть гуманным и милосердным, официально отменил смертную казнь и запретил пытки, а на деле законспирировал их до второго уровня секретности. Если кто-то подвергся пыткам, будьте уверены, он умрёт, чтобы не болтал лишнего. А вот наказание или казнь через позорный столб считается справедливой и гуманной, а порочному народу бесплатное зрелище, в котором он даже может принять участие. И я это называю – всеобщим человеческим позором. – Тут он грустно улыбнулся. – Но только в Космосе. На Земле пользуюсь старой мудростью землян: молчание – золото.

Се Ро Че с иронией спросил:

– А здесь не боитесь такое говорить? Мы-то, ладно, Землю нам уже точно не увидеть, а вот... – И он указал глазами на штурмана и двух охранников. – Ведь следующим рейсом вы можете сидеть не у пульта управления, а в одном из наших кресел?!

Пилот от души рассмеялся.

– Мои разговоры, – сказал Ха Си Пи, – таят в себе намного меньше опасности, чем ваша попытка свергнуть Императора, пусть пока только золотого. Где, скажите мне, можно почувствовать полную свободу, как не в Космосе? И здесь бояться нечего и некого. Поддерживать связь в режиме онлайн на таких огромных расстояниях нам ещё не доступно, а запись на бортовой компьютер отключена, потому что в «кротовой норе» она вообще не возможна. Этим

двум болванам, – он небрежно кивнул на стражу, – совершенно наплевать, о чём мы тут болтаем. Их обязанность доставить груз, то есть – вас, без эксцессов, получить похвальные баллы и бегом к выпивке и девочкам. Они вроде и человеки, но по сути – роботы. А это, – Ха Си Пи указал на штурмана, – мой родной брат Мо Ро Ба. Так что, на Земле мы лояльны, а в Космосе свободны, и имеем полное право говорить всё, что думаем. Даже правду. Даже о нашем Величайшем Императоре.

И тут Ви Са Ше, доселе только слушавший, обратился к пилоту:

– Вы, Ха Си Пи, несомненно, самый осведомлённый из все нас человек. Это факт. Что Император умён и силен, но лжив, хитёр и коварен, это не секрет, иначе не смог бы управлять всем миром. Нам также известно, что он величайший демагог и ловко втирает в глаза своих подданных розовые линзы, через которые они его и боготворят. Но как быть с благородной заботой о пенсионерах и инвалидах, для которых созданы в каждой сатрапии пусть обязательные, но комфортабельные пансионы? Я догадываюсь где-то интуитивно, что и в этом благодеянии кроется какой-то страшный подвох, но где он – хоть убей, не пойму. Может быть вы знаете, что на самом деле скрывается за этим благодушием и милосердием?

Ха Си Пи пристально посмотрел на микробиолога:

– И зачем вам это теперь? Отвлечь мысли от предстоящей высадки? Не думаю, что это правильное решение. Иногда лучше видеть только упаковку, не заглядывая внутрь. Под видом сладкой конфеты там лежит горькая пилюля. Хотя, у каждого свои методы релаксации. – Он опять засмеялся. – Хорошо, – пилот согласился, но ответ начал с вопросов. – Кто-нибудь из вас был там хоть раз? А почему там жёсткая система охраны, как на каком-нибудь секретном объекте? Забота о спокойствии пациентов путём полного отсутствия к ним доступа? Даже родных? Смешно до боли. Что вам известно о ваших родителях, попавших туда? Сколько они там прожили? Не надо, не отвечайте, я и так знаю, что не больше года. Это максимум, который даётся далеко не каждому. Исключение составляют родители высокопоставленных бонз, вот они, если отпрыски проявят о них заботу, могут дожить до глубокой старости. Почему так? Всё просто. Хоть они и сволочи, но частичка совести, хотя бы по отношению к своим предкам, у некоторых сохранилась. Вот именно этих стариков и рекламируют, иначе не скажешь, как наглядное доказательство гуманнейшей социальной политики. Ну, поняли? Вижу по глазам, что поняли. Да, остальных уничтожают. Но безболезненно. Вот в этом и только в этом состоит гуманность власти.

У всех глаза потускнели и лица осунулись.

– Я это знал, только не было доказательств, – сообщил Се Ро Че.

– Я тоже об этом догадывался, – сказал Ай Си аШ, – потому что нечто подобное в истории случалось, только намного ужаснее. В частности, в первой половине двадцатого века в фашистской Германии, а затем, во время развязанной ею Второй Мировой войны, и в других странах. Первые подручные кровожадного тирана Гитлера, Гиммлер и Гесс, создали универсальную программу избавления от лишних и бесполезных едоков «Эвтаназию», которая стоила жизни миллионам людей. Однако тот режим процедурой человеческого жертвоприношения этим не ограничился, но лучше об этом не вспоминать, настолько всё было страшно.

Се Ро Че попытался уличить проповедника в несоответствии церковных догм:

– Вы, как историк, прекрасно знаете и помните человеческие злодеяния на большом отрезке эволюции гомо сапиенс, и неужели теперь, в летописи нескончаемых зверских преступлений, вы можете утверждать, что мы, люди, все поголовно дети Божьи?

Ай Си аШ в долгу не остался и ответил мгновенно:

– Я этого никогда не утверждал. Более того, я с этим догматом категорически не согласен. Мы уже давно не дети Божьи, но должны стремиться ими стать. И вот этому стоит посвятить свою жизнь.

Ха Си Пи резюмировал:

– У вас ещё, надеюсь, будет такая возможность.

Проповедник парировал вопросом:

– А у вас?

Пилот, вместо ответа, указал рукой в иллюминатор и сказал:

– Вот, граждане колонизаторы, смотрите – перед вами ваша Новая Земля. А теперь я включаю запись, и с этого момента я хоть и свободен, но уже на работе, а значит, свой разговор должен корректировать.

Сквозь иллюминатор взорам смотрящих предстал шар матового цвета, без видимых очертаний материков с прожилками рек и крупными голубыми пятнами внутренних морей, да и вообще, без малейшего намёка на синие водные просторы.

– Вот, смотрите, – Ха Си Пи привлёк внимание всех к монитору правого компьютера, на котором виднелся тот же шар, который они наблюдали только что в иллюминатор. – Я делаю максимальное увеличение нашего телескопа, при котором в обычных земных условиях мы смогли бы увидеть спрятанную в кармане фигу. Ну, что, вы её видите? И я нет. Мы не видим ни фиги, ни кармана, ни того, кто этот карман носит. Мы по-прежнему наблюдаем густую, плотную серую массу, которая, будто бы нарочно, прячет планетарные прелести, как древняя женщина Востока скрывала свои за паранджой. Это и есть знаменитый Туман, тайну которого никто разгадать не может, а вы – очередные кандидаты на бессмертие, если узнаете его секрет, пусть и ценой собственной жизни. – Пилот опять улыбнулся и посмотрел на профессора. – Вот вы, Ай Си аШ, историк, служитель и проповедник Бога, а хотели бы войти в историю, как смелый исследователь Космоса и первооткрыватель тайны Фантома?

Ай Си аШ улыбнулся в ответ:

– Я хотел бы войти в Царствие Небесное, а не в историю.

– Даже туда я вас не тороплю, а вот делать первые исторические шаги пора. – Ха Си Пи открыл что-то наподобие шкатулки, вмонтированную в боковую стенку своего кресла. – Вот, возьмите эти усовершенствованные реликвии. Это старые, добрые, надёжные механические часы, имеющие массу защитных функций, но без всяких наворотов электроники. Трое вам, а одни мне. Наставляем на 12.00 и с этой секунды ваше время пошло. Когда прифантомитесь, ещё раз напоминаю, поддерживайте постоянную голосовую связь. Видеть-то я вас в капсуле буду, но хотелось бы и слышать, особенно это касается отправляющихся в разведку. Болтайте, рассуждайте, делитесь впечатлениями и ощущениями, это всё-таки более ценная информация, нежели наблюдаемый вашими глазами Туман. Но и конечно смотрите в оба, реагируйте на каждый шорох, на каждый звук.

– Командир, позвольте вопрос? – с блеском в глазах обратился Ви Са Ше. – Если контакт связи обрывается спустя минуту после выхода на поверхность, а с самой планеты ещё никто не вернулся на звездолёт, то откуда в наличии такие подробные данные относительно химических и физических свойств атмосферы, гидросферы и литосферы?

Тут спохватились и двое других арестантов-колонизаторов.

– Да, действительно, каким образом? – в один голос спросили Ай Си аШ и Се Ро Че.

– Это ещё одна загадка, которую, после Тумана, нашим учёным разгадать не удалось. Астронавты исчезали бесследно, а вот капсулы, но исключительно, когда исследователем являлся человек, наполненные образцами почв, пород, водных субстанций, иногда возвращались. Как будто кто-то, или сам пилот, что, впрочем, маловероятно, задал программу автопилоту, а сам, по неизвестным причинам, покинул летательный аппарат. И всё это в совершенном молчании, при полной потере связи с самой капсулой и её пассажирами. Парадокс?!

– Да, странный поступок, – задумчиво сказал Се Ро Че.

– Это более, чем странный поступок! – воскликнул Ха Си Пи. – Если так всё-таки поступали сами исследователи, пусть даже преступники, то это всё равно сумасшедший поступок. Только человек, лишённый рассудка, может добровольно лишить себя возможности возврата.

– А я просил бы вас допустить всё же мысль, – Ай Си аШ гнул свою линию предположений, – что они увидели и узнали то, ради чего там стоит остаться. А это был прощальный подарок – с умыслом: новые сведения и новые загадки.

Пилот хотел было ответить, но резко передумал.

– Вот вы, граждане нового чего-то, – сказал он, – скоро и узнаете ответы на многие вопросы. А если хоть один из вас сообщит мне что-то новое – о пропавших астронавтах, о Тумане, о загадочных посылках, – он сразу Герой Земли, и честь ему и хвала. – Было непонятно, говорит Ха Си Пи серьёзно или опять шутит, но поинтересоваться об этом он возможности не дал. – Всё, ребята, давайте выдвигаться к шлюзовому отсеку. Как и намечали, полетите в одной капсуле, чтобы от начала и до конца оставаться вместе.

– Да, пора приступать к делу, а то мы всё только болтаем, – сказал Се Ро Че неестественно бодро. – Если чего-то невозможно избежать, то пусть это произойдёт быстрее. Да и любопытство, откровенно скажу, меня переполняет, отодвигая предчувствие опасности куда-то вглубь. Вперёд, друзья оптимисты, хуже чем было на Земле, свободолюбивому человеку не будет. – Затем, игриво посмотрев в сторону профессора, с улыбкой добавил. – Может быть, хуже будет только в аду, который, надеюсь, находится не здесь?!

Все промолчали, а Ай Си аШ, уловив во фразе сарказм, мимоходом заметил:

– Ад везде, где отсутствует Бог.

Се Ро Че поправил, исходя из собственного мировоззрения:

– Ад везде, где отсутствует справедливость, а присутствует унижение человеческого достоинства.

Проповедник мягко парировал:

– Спросите у этих двух человек, – он указал на охранников, – о справедливости и чувствуют ли они себя униженными?

Не найдя ничего лучшего, Се Ро Че ответил:

– Из них просто сделали идиотов.

– Одних запугали, других сделали идиотами, третьих купили, а четвёртые чувствуют себя в этой гнилой и вонючей стихии, как рыба в воде. Почему?

– Причина кроется в несовершенстве власти.

– Это было всегда и никакие усилия не могли опровергнуть эту аксиому. А потому, что причина кроется в несовершенстве человека. А если быть более точным и более жёстким – в его глубокой порочности. Не придя к Богу и к Его заповедям, человек не сможет ни себя исправить, ни, тем более, построить общество социального благоденствия. Вспомните про фундамент.

– Вот именно – фундамент! – воскликнул бунтарь. – Его надо закладывать в детстве, воспитывая человека в послушании к моральному кодексу и юридическому закону, где доминантой должна служить именно нравственная сторона. Только в таких условиях можно взрастить человека с большой буквы.

Неизвестно, чем бы закончился и когда их спор, не вмешайся в который раз командир:

– Всё, хватит научно-просветительских диспутов, по крайней мере здесь, пора в дорогу. У вас какая-то болезненная страсть к теоретическим дебатам, уважаемые?! Прилетите, обустройтесь, доложите мне, а там... дискутируйте сколько угодно. Ладно, отставить шутки. Прошу всех занять свои места. И помните, пока вы в капсуле, вы в безопасности. Ещё не случилось, чтобы связь с ней прервалась, пока там находится хоть один член экипажа.

Глава 9

Когда невольные исследователи инопланетной жизни заняли свои места в малогабаритном летательном аппарате ограниченных расстояний, а сопровождающие собрались покинуть

шлюзовой отсек, Ха Си Пи, задумчиво и отстранённо глядя поверх голов сидящих, выдвинул неожиданную версию относительно Тумана:

– Мне кажется, не стоит проводить параллели между Океаном Лема и здешним Туманом. Не знаю почему, но интуиция многолетнего космического бродяги и некоторые умозаключения не совсем глупого человека, сделанные за предыдущие полёты к Фантому, подсказывают мне, что Туман не руководитель, а исполнитель чьей-то мощной воли. Главный там кто-то другой, а Туман, как бы это дико ни звучало, ему подчиняется.

– Дорогой Ха Си Пи, – сказал Ай Си аШ, – я о нечто подобном давно намекал, но меня обозвали фантазёром.

– Если бы не было смелых фантазёров, наука стояла бы до сих пор на уровне каменного века. В любом случае, будьте осторожны и внимательны. Не суетитесь. – И вновь улыбка заиграла на лице пилота. – Не делайте опрометчивых шагов уже в новой жизни. Желаю удачи и жду подробных отчётов об обычаях и нравах местных аборигенов. В контакт вступать только в крайнем случае, ведь вы для них инопланетяне, а к чужакам всегда относятся если не открыто враждебно, то агрессивно настороженно. Попытайтесь лестью и хитростью войти к ним в доверие.

Каждый из «пришельцев» счёл нужным дать свой короткий ответ, в такой же несерьёзной форме. Вирусолог Ви Са Ше сказал:

– Постараемся, если нас, конечно, в течении минуты не уничтожит какой-либо страшный и беспощадный вирус.

– Если эти самые аборигены не сожрут нас в сыром виде за эту роковую минуту, – Се Ро Че наигранно содрогнулся.

– Если тамошняя цивилизация встретит нас как богов, то мы вас позовём к себе в качестве младшего научного бога, – шутя сказал Ай Си аШ, но после серьёзно добавил. – Я уверен, командир, в отношении Тумана вы и я правы, только я не уверен в том, что когда я узнаю правду, следом узнаете её и вы.

– Будем надеяться, что на этот раз всё закончится благополучно.

Пилот, покидая шлюзовую камеру, на прощание вяло помахал рукой. Астронавты пристегнулись, переглянулись и Се Ро Че нажал кнопку отстыковки и автоматического управления. Дверь капсулы герметически закрылась и через пять секунд она пустилась в самостоятельное плавание к таинственной планете. Пассажирам оставалось лишь наблюдать за показаниями приборов и датчиков, которые стекались на компьютерный мозг капсулы, и уже он, исходя из получаемых сведений, принимал то или иное решение.

Челнок стремительно прошёл высокие слои атмосферы, не замедляя хода прошёл сорокакилометровый пласт стратосферы, и только после этого, уже в тропосфере, стал постепенно снижать скорость, доведя в итоге до минимальной. Включился сонар, зондирующий поверхность и максимально минимизирующий вероятность неудачной посадки, что, однако, не всегда являлось полным гарантом безопасности. Сквозь плотный туман он указывал, где твёрдая и ровная поверхность, где горы, а где впадина, заполненная жидкостью, и определял расстояние до цели с точностью до сантиметра. Но почему случались аварии, никто точного ответа дать не мог. Колонизаторы, обязавшиеся вести разговор, молча и заворожённо смотрели на монитор, который, неожиданно для всех, показал уровень высоты «ноль», хотя физически они этого не почувствовали, а визуально – тем более.

– Мы прифантомились, – тоном профессионала сообщил Се Ро Че.

– Я вижу, – услышали в ответ в наушниках слегка ироничный голос Ха Си Пи. – Ну что, соберитесь с духом и начнём. Будете выходить по одному, но сразу от аппарата не отдаляться. Не надо бежать в порыве пьянящего чувства свободы, потому что всё, что человека опьяняет, не приносит пользы, а только вред. Се Ро Че, вы, как самый дерзкий бунтарь, выползайте пер-

вым. Нащупайте почву, вдохните фантомного воздуха и поделитесь впечатлением. Но сразу никуда не отходите. Остальные находятся наготове.

Активный противник всякой диктатуры власти отстегнул ремень и нажал кнопку, задав предварительно цифровой код компьютеру, открывающему дверь. В открывшееся пространство ворвался приятный свежий воздух, а густой туман, обнявший со всех сторон аппарат, замер точно по периметру открывшегося овально-выгнутого люка, не просочившись внутрь ни на миллиметр. Все были изумлены.

– Командир, вы это видите?! – воскликнул Ви Са Ше. – Мы ещё не успели оглядеться, а чудесные странности уже начались!

– Эти чудесные странности я уже наблюдал и ранее, – спокойно отозвался пилот. – Давайте, свертатель памятников, выходите и станьте у открытого люка, держась за дугу рядом с дверью. В этом положении вы в безопасности и время не начинает свой отсчёт.

Все понимали, что выходить придётся всем, иначе нечего было сюда и лететь, но одно дело знать, а другое – сделать первый шаг в загадочную неизвестность.

– Я надеюсь, что этот чёртов Туман не разьест меня за одну минуту?! – сказал Се Ро Че, ухватившись за поручень и медленно опуская правую ногу в густую туманную кашу.

– Если рассуждать чисто теоретически, то в принципе такое возможно, – не к месту ляпнул Ви Са Ше.

– Спасибо, друг, вовремя утешил, поддержал и обнадежил.

– Извините, я пошутил глупо.

– Помолчите минутку, доктор, – попросил Ай Си аШ.

– Очень точно замечено, профессор! – с улыбкой отозвался Се Ро Че. – Именно минутку! Минута молчания в лучших традициях давнего уважения к усопшему. Ну, будь что будет!

– Я же сказал, что пока всё безопасно, – подал голос командир.

– Да, находясь в безопасности, хорошо успокаивать и говорить о безопасности, добавляя самое обнадеживающее слово «пока». – С этими словами Се Ро Че полностью погрузился в Туман, лишь рука продолжала сжимать поручень. И несмотря на то, что он стоял совсем рядом, различимо было только более тёмное пятно на фоне окружающего серого вещества.

– Ну что там? – нетерпеливо спросил Ви Са Ше. – Туман вас не пожирает?

Микробиолог опять пытался шутить, но в голосе чувствовалось волнение. Неожиданно из наружной массы вынырнуло лицо пионера, что невольно заставило остальных чуть отшатнуться. Он улыбнулся и сказал:

– Не пугайтесь, друзья. Мы же с вами смельчаки. Не пристало пугаться какого-то Тумана, коль не испугались самого Императора. Как видите, я цел и невредим. Туман не только не опасен, но воздух в нём настолько чист и свеж, что на Земле такого уже вряд ли найдёшь даже в самых укромных местах.

Послышался голос Ха Си Пи, в котором восторга не было:

– Не обольщайтесь, вы не первый, кто в восторге успевал об этом сообщить. Пристегните страховочный трос и сделайте хотя бы несколько шагов вглубь. И прошу, комментируйте каждое движение.

– Ладно. Меня уже самого настолько охватила страсть исследовать окрестности, что даже чувствую в себе нетерпеливое раздражение. Сейчас разберёмся, кто тут главный. – Се Ро Че защёлкнул карабин троса у себя на набедренном поясе, второй конец которого был намотан на стационарном барабане. – Теперь я понимаю азарт древних пионеров и конкистадоров, когда любопытство и жажда открытий новых земель преодолевает страх. Надеюсь, что мы ещё увидимся... хотя и сильно в этом сомневаюсь.

И он опять скрылся в Тумане.

– Ничто так не подпитывает азарт и не преодолевает страх, как жажда наживы! – крикнул вдогонку Ай Си аШ.

Оставшиеся наблюдали, как после нескольких медленных шагов растворилось и пятно, которое обозначало их товарища. Трос постепенно разматывался, а Ха Си Пи негодовал:

– Почему молчите? Говорите же что-нибудь! Секунды бегут!

– Спокойно, командир, – самоуверенно ответил новоявленный потомок пионеров и конкистадоров. – Я пытаюсь осмотреться с помощью ручного радара. Нет ни одного движения вокруг, ни одного жужжания насекомого, но лично я чувствую себя удивительно бодро и сил, как мне кажется, только прибавляется. Готов горы свернуть или хотя бы передвинуть.

– Не надо ничего ворочать, надо изучать и сообщать. Ни на что пока не наткнулись?

– Куда ни ступишь, всюду натыкаешься на Туман. Никакого нигде просвета и проблеска. И главное – полная тишина, будто всё мёртво, хотя такое внутри ощущение, что за мной...

Внезапно у Се Ро Че перехватило дыхание, хотя, спустя секунду, вновь дышалось легко и свободно, но вымолвить хоть слово он уже не мог. Он попытался двинуть рукой с радаром, но не смог ею даже шевельнуть, будто его внезапно парализовало, и в то же время физически чувствовал свободу мышц и ощущал прежний прилив сил. Но что самое главное – не было ни страха, ни паники. Он был совершенно спокоен не только внешне, в силу телесного анабиоза, но и внутренне, в силу духовной бодрости. Се Ро Че слышал зов командира и беспокойные призывы товарищей, но что-либо ответить и как-нибудь их успокоить уже не мог, хотя именно этого ему сейчас хотелось больше всего. Просто сказать: «У меня всё в порядке. Жив, здоров, но стал инвалидом. Надеюсь, что это временно. Главное, я мыслю, а значит, – существую». А ещё через мгновение он почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы, а затем крупными каплями стекают по щеке и падают, выплёвывая линзы, вниз, на неизвестную почву неизвестной планеты. Вскоре прекратились и голоса, наступила полная тишина без движений и звуков. И так как, в отличии от тела, мозг функционировал в оптимальном режиме, что выразилось в ясности мыслей и в способности к аналитическому мышлению как никогда раньше, то Се Ро Че ничего другого не оставалось, как стоять и мудро размышлять. «Странное ощущение, двигаться не могу, а чувствую себя свободным и полным жизни как никогда. И если сообщить о себе хочется очень, то возвращаться, почему-то, нет никакого желания, хотя и стоять без дела глупо. Готов совершить подвиг, а нет возможности сходить даже по малой нужде. Интересно, долго ли будет продолжаться эта шутка и чем вообще закончится вся эта нелепая ситуация? Я надеюсь, не буду находиться в таком положении, пока не превращусь в мумию?!»

Как только был задан вопрос, последовал и ответ, который парализованный конкистадор не то чтобы услышал, а скорее почувствовал его у себя внутри:

– Добро пожаловать, путешественник, на уникальную планету Мечты. Здесь и только здесь может осуществиться мечта всей твоей жизни без всяких видимых усилий с твоей стороны. Только твоё внутреннее желание. Хорошенько подумай и скажи: какая твоя самая сокровенная мечта?

Се Ро Че насторожился. «Что это, слуховая галлюцинация? Или воздействие Тумана на мозг в каком-нибудь ультразвуковом диапазоне? А может, это банальное зарождение сумасшествия в ускоренном режиме? Нет, только не последнее».

– Не о том думаешь, странник. У тебя есть шанс начать новую жизнь, а ты мне рассказываешь всякую глупость. К тебе обращается хозяин планеты, готовый выполнить твою просьбу, поэтому имей совесть – не заставляй ждать и получать то, о чём впоследствии сильно пожалеешь. Ну, я уже в нетерпении?!

Странник, не сильно поддавшись устрашению, но здраво рассудив, что выбора-то у него особо нет, решил ответить. Хотя бы из элементарной вежливости:

– Мечта всей моей жизни – построить общество на законах полной и настоящей справедливости, где нет хозяев и рабов, а есть истинное равноправие. Где людьми движет не корысть, а внутреннее желание бескорыстной помощи при искреннем уважении друг друга. И ещё я хочу встретить своих идейных товарищей, отправленных сюда ранее.

После твёрдого и спокойного ответа, Се Ро Че с надеждой и с сомнением стал ждать ответа. Или дальнейшего развития событий. Ответ пришёл, но голос на этот раз показался ему чуть грустным:

– К вашему несчастью, вы, люди, очень часто не умеете чётко задавать правильные вопросы и формулировать верные желания, не утруждая себя детально вникать в суть вами же сказанного. Мне жаль. Но, как бы там ни было, что сказано, то будет сделано. Ты получишь желаемое. Вот, твоя мечта перед тобой – иди, дерзай, строй.

И опять наступила тишина. Он по-прежнему стоял в Тумане, не имея возможности двигаться. «Что за идиотская шутка, – подумал Се Ро Че, – похожая на издевательство? Куда идти? Что строить? Верните, хотя бы, мне способность двигаться и укажите дорогу, а я уж, так и быть, найду что строить. А почему ему жаль? И кого? Меня?»

И тут он ощутил происходившие перемены. Скованность тела стала исчезать прямо пропорционально рассеиванию тумана. Вот уже стали проявляться контуры ближних строений, затем – дальних, под ногами он увидел тротуар, а в руках, вместо радара, Се Ро Че держал трость. Он оглядел себя и был удивлён ещё больше: на нём был тёмно-серый костюм, белая рубашка и чёрные туфли. «Что за дурацкий наряд? И где это я?» Туман рассеялся полностью и город осветился лучами огромной звезды по имени Капелла. И хотя яркость, по неизвестным причинам, была тусклой и не слепящей слишком, но размеры фантомного солнца, с непривычки, наводили ужас. Бунтарь остолбенел. Вокруг сновали люди и странные автомобили, и лишь редкий прохожий поглядывал с любопытством на человека, растерянно стоящего посреди тротуара. Неизвестно, сколько бы он простоял в такой прострации, если бы кто-то не вернул Се Ро Че в реальность, сильно дёрнув за рукав. Он не испугался, но мысли путались и соображалось плохо, гораздо хуже, чем в недавнем парализованном прошлом.

– Здравствуйте, Сергей Родионович, – прошептал незнакомец, и, взяв его под руку, быстро повёл, по дороге торопливо объясняя свои действия. – Не пугайтесь, но здесь находится небезопасно в силу причин, которые вы узнаете потом. А сейчас нам отсюда надо побыстрее скрыться. Тут недалеко есть явочная квартира, где нас уже ждут. Там и поговорим.

Они свернули налево в переулок, затем направо в какой-то тоннель, после просочились между двумя плотно стоящими домами и, миновав в спешке сквер, нырнули в подворотню, откуда вышли к трём старым домам и, шмыгнув в подъезд одного из них, поднялись на третий этаж. Отдышавшись, незнакомец открыл ключом квартиру, пропустил гостя, с осторожностью опытного шпиона осмотрелся и захлопнул дверь.

Войдя в комнату, Се Ро Че, или Сергей Родионович, как его назвал неизвестный, увидел пятерых мужчин, вставших из-за стола и шагнувших ему навстречу. Это были его старые товарищи по земному сопротивлению тирании. После радостного приветствия по случаю неожиданной встречи, гость подозрительно спросил.

– Что здесь происходит? К чему такая конспирация?

Ответил высокий шатен с рыжими усиками:

– Ты сначала проходи и присаживайся, потому что разговор будет долгим. Видишь ли, Сергей, мы все здесь, как и когда-то там, оказались на нелегальном положении. Нас ищет полиция и секретная служба. Ещё неизвестно, где хуже – там, на Земле, или здесь, на Мечте.

Сергей Родионович пришёл в полное замешательство:

– Да объясните же толком, что происходит? За что ищут? Почему ищут? Где я, вообще, нахожусь?

– Все зло усмехнулись, а курчавый парень со шрамом ответил:

– В данный момент, глупец находится среди глупцов. А все мы там, где и пожелали быть, глупо, я бы даже сказал – по-идиотски, сформулировав свою мечту. Мы все, во главе с твоим другом и помощником Борисом, хотели строить идеальное человеческое общество на основе

нравственных и юридических законов. Теперь мы видим, что и ты хочешь именно строить это общество. Так?

– Ну, так, – ответил Сергей, ещё точно не зная, куда клонит его старый приятель, но где-то интуитивно чувствуя ловушку.

– Вот тебе и так, – грустно вздохнул курчавый. – Определяющий глагол в нашей, как оказалось, общей мечте – строить, а надо было просто пожелать жить! Но теперь уже поздно и обратно ничего не вернёшь. Ладно, слушай, что произошло. Когда со временем мы все оказались в этом мире, здесь царили вражда и междоусобица, разврат и анархия, но мы, сплотив вокруг себя народ, сумели в итоге захватить власть и навести порядок. И вот, когда мы начали воплощать наши давние мечты в реальность, установив и юридически закрепив нормы поведения на работе, в семье, в обществе, мы неожиданно получили коварный и, главное, неожиданный удар в спину. Наш товарищ и лидер Борис ловко сплёл паутину заговора, переманив и купив многих наших, и единолично захватил власть, установив жёсткую и открытую диктатуру, покруче земной. И вот теперь, большая часть наших бывших товарищей у него в услужении, а мы для него смертельно опасные враги и на нас объявлена откровенная охота. Вот оно как получилось.

– Борис? – Сергей Родионович был удивлён и поражён до шока, до спазм сердца. – Мы же все на него равнялись?! Даже я! Мы ему не просто доверяли – мы ему верили! Не могу поверить. Не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.